

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан

АНАСТАСИЯ РЕШЕТНЯК

ТЕРРОРИЗМ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ
КЕЙС КАЗАХСТАНА И КЫРГЫЗСТАНА

Астана 2016

УДК
ББК
С

Рекомендовано к печати Ученым Советом
Казахстанского института стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор М.Ш. Губайдуллина,
доктор политических наук С.К. Кушкумбаев

Решетняк А.В. Терроризм и религиозный экстремизм в Центральной Азии: проблемы восприятия. Кейс Казахстана и Кыргызстана. – Астана, КИСИ при Президенте РК, 2016. – 86 с.

ISBN

В работе на основе результатов социологического исследования представлен комплексный анализ общественного мнения по проблемам секьюритизации терроризма и религиозного экстремизма в современных Казахстане и Кыргызстане. Работа выполнена в рамках проекта Корпоративного фонда «Международный благотворительный фонд «Altyn Kyran» и Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте Республики Казахстан по поддержке молодых исследователей «Казахстан в Центральной Азии».

Издание адресовано исследователям, преподавателям и студентам социально-гуманитарных факультетов, специализирующимся в области международных отношений, политологии, социологии, религиоведения, а также служащим госучреждений, работающим в соответствующих сферах.

УДК
ББК

ISBN

© КИСИ при Президенте РК, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИНЯТЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ	4
ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. КАЗАХСТАН	11
1.1. Политическое измерение	11
1.2. Восприятие официальных духовных управлений.....	13
1.3. Правоохранительные органы и силовые ведомства.....	13
1.4. Масс-медиа и Интернет	15
1.5. Общественное восприятие	17
1.6. Экспертный опрос и дискурсивные характеристики.....	28
1.7. Кейс-стади: события в Актобе и Алматы.....	32
ГЛАВА 2. КЫРГЫЗСТАН	35
2.1. Политическое измерение	35
2.2. Восприятие официальных духовных управлений.....	36
2.3. Правоохранительные органы и силовые ведомства.....	37
2.4. Масс-медиа и Интернет	37
2.5. Общественное восприятие	40
2.6. Экспертный опрос и дискурсивные характеристики.....	47
2.7. Кейс-стади: побег из СИЗО-50 и взрыв в посольстве КНР	50
ГЛАВА 3. ДИСКУРС В КАЗАХСТАНЕ И КЫРГЫЗСТАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	53
3.1. Политическое измерение	53
3.2. Официальное духовенство	54
3.3. СМИ.....	55
3.4. Общественное восприятие	56
3.5. Экспертная оценка	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	61
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	63
Приложение 1. Гайд экспертного опроса «Терроризм и религиозный экстремизм в Центральной Азии».....	68
Приложение 2. Список экспертов, принявших участие в экспертном опросе	70
Приложение 3. Социологический опрос: описание выборки и методов сбора информации	72
Приложение 4. Форма анкеты-опросника социологического исследования.....	75
Приложение 5. Некоторые результаты социологического исследования в диаграммах	79

ПРИНЯТЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Радикализм:

– крайняя, бескомпромиссная приверженность каким-либо взглядам, концепциям. Чаще всего употребляется в отношении идей и действий в социально-политической сфере, особенно направленных на решительное, коренное изменение существующих общественных институтов, хотя в той же мере возможен и «радикальный консерватизм»). Чаще всего употребляется политический радикализм, хотя возможен также религиозный, церковный, философский [1].

Религиозный экстремизм:

– отрицание системы традиционных для общества религиозных ценностей и догматических устоев, а также агрессивная пропаганда «идей», противоречащих им. Основная цель религиозного экстремизма – признание своей религии ведущей и подавление других религиозных конфессий через их принуждение к своей системе религиозной веры. Наиболее ярые экстремисты ставят своей задачей создание отдельного государства, правовые нормы которого будут заменены нормами общей для всего населения религии. Религиозный экстремизм часто смыкается с религиозным фундаментализмом, суть которого заключена в стремлении воссоздать фундаментальные основы «своей» цивилизации, очистив ее от чуждых новаций и заимствований, вернуть ей «истинный облик» [2].

Терроризм:

– ...деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством...[3];

Экстремизм:

1) – представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма [4].

2) – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством... [3]

*Автор выражает глубокую благодарность профессору
Казахского национального университета (КазНУ) им. аль-Фараби,
доктору исторических наук Г.А. Мовкебаевой – консультанту,
первому читателю и рецензенту этой работы.
Слова искренней признательности за помощь
в сборе и обработке материалов и практические советы
автор также адресует Л.Л. Фридман*

ВВЕДЕНИЕ

За годы независимости в повестку безопасности государств Центральной Азии прочно вошли вопросы, связанные с растущей исламизацией населения. Этот процесс в регионе, населенном преимущественно этнически мусульманским населением, называют исламским возрождением, или реисламизацией. Его движущей силой, в первую очередь, стал рост национального самосознания, в котором принадлежность к исламской умме является важной частью культурного кода. Существует мнение, что эти мировоззренческие паттерны могут стимулировать развитие религиозного экстремизма и даже терроризма [5].

При всех положительных итогах приобщения к мусульманскому миру многие исследователи отмечают, что этот процесс может привести – а в некоторых регионах уже приводит – к усилению религиозной радикализации, нарастанию межрелигиозных и межэтнических противоречий.

Терроризм и религиозный экстремизм называют «чумой XXI века». С каждым годом по всему миру растет количество террористических атак и, соответственно, человеческих жертв. Несмотря на то, что государства региона на 2015 год имеют одни из самых низких показателей в Глобальном индексе терроризма: Казахстан и Таджикистан занимают 83 и 84 места в мировом рейтинге, Кыргызстан – 86, а Туркменистан и Узбекистан находятся на его нижних позициях с нулевым уровнем террористической активности [6], и с каждым годом террористическая активность в регионе снижается [7], проблемы терроризма и религиозного экстремизма актуализируются на всех уровнях власти и общества центральноазиатских республик. Необходимость изучения этого феномена и обусловлена актуальность данного исследования.

Теоретико-методологическую базу исследования составила теория секьюритизации в рамках Копенгагенской школы международных отношений. Б. Бузан, один из крупнейших ученых, работавших в данном направлении, рассматривает идентичность государства или общества как определенный нестатичный конструкт, способный трансформироваться в зависимости от изменений идей и смыслов, как декларируемых внутри данного общества или государства, так и представлений о нем других субъектов международных отношений. Безопасность при этом определяется как понятие социальное, обязательным условием которого является наличие экзистенциальной угрозы объекту.

Важным аспектом безопасности в рамках данной теории является секьюритизация – «дискурсивный процесс, посредством которого интерсубъективное понимание выстраивается в политическом сообществе таким образом, чтобы воспринимать что-либо в качестве экзистенциальной угрозы... и обеспечить применение срочных и исключительных мер для ее устранения» [8]. В данном контексте очевидно, что восприятие проблемы терроризма и религиозного экстремизма и отражение ее в дискурсе на разных уровнях обуславливает определенный уровень ее секьюритизации в политике государства и общественном сознании.

Цель проекта

Цель данной работы – оценить степень и адекватность секьюритизации настоящей проблемы в официальном дискурсе и в дискурсе религиозных

деятелей, определить место террористической и экстремистской угроз в повестке безопасности в региональных масс-медиа, оценить, насколько эти вопросы важны для граждан стран региона.

Для исследования были выбраны два государства Центральной Азии – Казахстан и Кыргызстан, в силу схожей истории распространения ислама среди казахского и кыргызского народов, а также сопоставимой современной религиозной политики. Немаловажным фактором стала и доступность получения информации: учитывая текущую ситуацию в Таджикистане и Узбекистане, проведение полевых исследований на территории этих государств региона оказалось невозможно.

Задачи

Задачами исследования стали:

- проведение анализа восприятия террористической угрозы властями Казахстана и Кыргызстана, ее оценочного соответствия современным угрозам и вызовам;
- выявление отношения молодежи вышеуказанных центральноазиатских республик к религии, концепции умеренного ислама, мусульманской атрибутике и возможности террористических актов;
- выявление оценки протестного потенциала в молодежной среде, а также определение оценки возможности дестабилизации обстановки (терракты, массовые выступления, цветные революции и т.д.), готовности принять участие в таких акциях и определить причины социального, экономического, политического характера;
- на основе полученных данных предложить рекомендации по противодействию терроризму и экстремизму на уровне паттернов.

При анализе религиозного экстремизма основной упор был сделан на ислам как на религию, с которой, вольно или невольно, ассоциируются все негативные явления, связанные с проявлением терроризма и религиозного экстремизма в нашем регионе [9]. Изучение влияния деструктивных организаций, относящих себя к другим конфессиям, не является целью данного исследования.

В экспертной среде существует множество противоречивых мнений относительно социетального сдвига населения центральноазиатских государств к радикальному исламу. В то время как многие эксперты и международные неправительственные организации актуализируют эту проблему, другие (например, востоковед А. Князев) считают ее слишком преувеличенной. Сложность состоит в том, что оценить степень реальной радикализации общества – задача практически невозможная. Представители неправительственных организаций, работающие с людьми, пострадавшими от деструктивных религиозных течений, регулярно выступают с заявлениями о растущей динамике данного явления [10], однако о методике такого анализа и его релевантности доподлинно ничего не известно.

Объективными количественными показателями радикализации традиционно считаются динамика преступлений, связанных с экстремистскими действиями, направленных на разжигание межконфессиональной вражды, а также численность граждан страны, участвующих в боевых действиях. Так, например, данные по выехавшим из Центральной Азии на войну в Сирию, Афганистан и другие страны разнятся от 1000 человек, по

информации официальных лиц, до 4000, указанных в материалах Международной кризисной группы [11].

Одной из главных проблем, связанных с выявлением религиозного экстремизма, является сложность определения группы риска: многие политологи указывают на то, что к ДАИШ, к примеру, присоединяются люди самого разного достатка, социального положения и уровня образования [12] – история каждого человека, вступившего на путь вооруженной борьбы, требует отдельного рассмотрения.

Методология

Для решения поставленных задач использовались следующие методы проведения исследования:

- Исторический метод позволил определить причины и предпосылки региональных явлений в Центральной Азии, установить характер взаимоотношений между государством и религией, выявить слабости и преимущества стран региона перед возникающими вызовами безопасности.

- Методы анализа ситуации: изучение документов и объективных материальных источников для получения представления о нормативно-правовой базе государств региона по вопросам религиозной политики.

- Социологические методы (опрос, экспертная оценка) необходимы для анализа восприятия комплекса вызовов и угроз экстремистского характера на двух уровнях: экспертный опрос и выборочный опрос населения в совокупности позволили получить достаточно полную и объективную картину исследуемых процессов в Центральной Азии.

- Дискурс-анализ. С использованием этого метода в работе была сделана попытка проследить формирование и внедрение определенных паттернов, связанных с терроризмом и экстремизмом, в политических текстах, материалах масс-медиа, экспертном восприятии и общественном сознании. Для анализа политических текстов, которые были рассмотрены в данном исследовании, наиболее релевантной стала трехмерная модель критического дискурс-анализа Н. Фэркло, включающая в себя оценку продуцирования и восприятия текста, текстовый лингвистический анализ и изучение контекста, внутри которого происходит событие, отраженное в тексте [13].

- Контент-анализ отвечает обозначенным целям и задачам исследования, поскольку, во-первых, применяется тогда, когда в наличии имеется достаточно обширный по объему несистематизированный материал (а выступления и аналитические материалы представителей власти, медиа-тексты и расшифровки экспертных интервью можно охарактеризовать именно так), а во-вторых, этот формализованный метод дает возможность довольно наглядно показать текущее состояние политики. Для оценки речевых актов используется классификация Д. Вундерлиха [14].

- Сравнительный анализ – выделение критериев и на их основе сопоставление степени и характера угроз для стран ЦА.

- Системный анализ требуется для оценки совокупности существующих проблем в регионе, рассмотрения региональной системы ЦА в виде совокупности отношений, находящейся в непрерывном взаимодействии с внешней средой через механизмы «входов» и «выходов».

Для контент-анализа и дискурс-анализа медиа-текстов были использованы материалы наиболее посещаемых новостных сервисов Казахстана и Кыргызстана за 2015 год (см. табл. 2, 3).

Фокус-группой социологического опроса стали студенты высших учебных заведений, часть из которых через 10–15 лет будут формировать повестку дня государства в структурах различных уровней и направленности. Молодежь в возрасте от 15 до 29 лет составляет в Республике Казахстан 24,6% на 2015 год, из них каждый десятый является студентом. В Кыргызстане этот показатель равен 31%, треть всей молодежи обучается в вузах.

Выбор именно этой категории населения обеих стран определен в первую очередь тем, что студенческая среда объединяет наиболее социально активных представителей этой возрастной категории, поэтому их мнение о социально-политической обстановке в стране, по вопросам религиозного характера представляется важным в контексте определения вектора дальнейшего развития двух государств.

Кроме того, в обществе группой риска, подверженной влиянию деструктивных течений, часть экспертов считают именно молодежь [15, 16]. В условиях углубляющегося кризиса во всех странах Центральной Азии растет безработица, ухудшаются (сравнительно) условия жизни. На фоне социальной несправедливости это вызывает потребность в улучшении своего положения, поиске более справедливого общества, более совершенной системы ценностей. «В этой среде молодые люди могут обратиться к насилию как способу самоутверждения, демонстрации собственной мужественности и достоинства, – то, что реализуется или в занятиях спортивными единоборствами, или (и) в следовании пропагандистским клише ДАИШ. Неясно, что именно является катализатором этих процессов: религиозность или чувство отверженности, или исключение человека из семьи и общества» [17] – считают исследователи Центральной Азии Джон Хизершоу и Дэвид Монтгомери. Именно поэтому в исследовании для оценки общественного дискурса была выбрана именно молодежь – ведь ее представители в данном контексте являются «лакмусовой бумажкой», позволяющей замерить уровень имеющихся проблем и противоречий, господствующих социальных настроений (подробнее см. Приложение 3).

Исследование проводилось в сентябре 2015-го – январе 2016 года. Исходя из поставленных целей и задач был проведен кластерный анализ мнения студентов Казахстана и Кыргызстана по вышеуказанным вопросам. Выборка составила по 300 студентов высших учебных заведений из каждой страны.

Кроме того, в Казахстане был проведен онлайн-опрос среди активных пользователей социальных сетей Вконтакте, Facebook, Twitter, Одноклассники, интернет-форумов vse.kz, блог-платформ Yvision, Horde.me, центральноазиатского сегмента LiveJournal.com. Основную аудиторию вышеуказанных платформ составляет молодежь в возрасте до 30 лет: студенты и молодые профессионалы. Для анализа была отобрана экономически активная молодежь в возрасте от 18 до 29 лет. Представители данной группы (300 чел.) в настоящее время не являются студентами высших или средне-специальных учебных заведений. Выборка здесь не является репрезентативной по отношению ко всему исследуемому сег-

менту в силу не стопроцентного уровня распространения Интернета, а также фактора самоотбора, однако отражает представление о мнении интернет-аудитории по предложенным вопросам.

В экспертном опросе приняли участие 29 специалистов в области международных отношений, истории, политологии, социологии, религиоведения, юриспруденции из Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, США, Российской Федерации. Опрос проводился методом полуструктуризованного интервью.

В качестве источников также были использованы нормативно-правовые акты стран региона, программные документы и выступления политических лидеров.

Работа состоит из Введения, трех глав и Заключения, содержит 4 Приложения.

ГЛАВА 1. КАЗАХСТАН

1.1. Политическое измерение

Секьюритизация вопросов терроризма и экстремизма

Во внешнеполитическом контексте отношение к данной проблеме выражается в ее актуализации в рамках международных организаций как глобального, так и регионального характера, на двустороннем уровне. Казахстан уже не первое десятилетие позиционирует себя как инициатор мирных движений и начинаний. В изучаемом контексте необходимо упомянуть о Съезде мировых религий, инициированном Н. Назарбаевым и проводимом в Астане. Это мероприятие, собирая за одним столом представителей различных мировых конфессий, создано для диалога и повышения толерантности между традиционными религиями.

Контент-анализ выступлений Президента РК показал, что в 72% из них содержатся слова «терроризм» или «экстремизм». Угроза терроризма, согласно тексту последнего Послания народу Казахстана, является одной из характеристик «новой глобальной реальности» [18]. По результатам оценки текстов, представленных на сайте akorda.kz, за 2014–2015 годы, ключевую роль в дискурсе Н. Назарбаева играет эмоциональное воздействие на слушателя. В структуре аргументации преобладают оценочные и политические высказывания; директивные (указания, распоряжения, установление норм) речевые акты свойственны внутривнутриполитическим текстам, а комиссивные (обещания, объявления) – внешнеполитическим. Ключевые политические пропозиции, декларируемые Президентом РК, можно разделить на:

- необходимость превентивной борьбы с терроризмом, экстремизмом и радикализмом на всех уровнях;
- необходимость совершенствования внутриказахстанских инструментов противодействия данным угрозам;
- необходимость международного сотрудничества, направленного на достижение более высокого уровня коллективной безопасности перед угрозой терроризма и экстремизма.

Последний пункт ярче всего иллюстрирует речь Н. Назарбаева на 70-й ГА ООН, где он выступил с предложением учредить под эгидой ООН единую мировую сеть противодействия международному терроризму и экстремизму [19]. Это направление получает широкое распространение и во внутривнутриполитическом дискурсе. «...Нами ведется активная работа в рамках антитеррористических структур, Совета Безопасности ООН, ОБСЕ, ШОС, СНГ, ОДКБ и других» [20], – отмечает Карим Масимов, премьер-министр РК. При этом подчеркивается, что данные организации недостаточно эффективны в противодействии существующим вызовам и угрозам и нуждаются в обновлении инструментария: необходимо принятие всеобъемлющей конвенции по борьбе с насильственным экстремизмом и терроризмом, которая бы определяла тактику и правовые рамки борьбы с терроризмом и экстремизмом, проведение совместной работы по противодействию финансированию деструктивных ячеек, пропаганды и нелегального пересечения границ.

В целом государство в казахстанском политическом дискурсе играет ведущую роль в борьбе с международным терроризмом, является «защитником». При этом данный концепт предусматривает принадлежность к государству также и гражданского общества, усилий неправительственных организаций и высокую сознательность каждого отдельного гражданина.

Методы борьбы с терроризмом и религиозным экстремизмом

Последние три года охарактеризовались ужесточением законодательства во всех без исключения странах региона. В Казахстане реформы коснулись мер наказания для граждан, участвующих в боевых действиях за границей и подготовке боевиков и экстремистов: уголовная ответственность будет включать лишение свободы сроком от трех лет до пожизненного заключения и смертной казни [21].

Проблемами в законодательной базе представители государственных органов считают недостаток дефиниций. В РК экстремизмом называют «совершение экстремистских действий» или «совершение действий от имени организаций, признанных экстремистскими» [22]. Таким образом, границы применения подобных законов оказываются слишком размытыми и включают в себя очень широкий спектр правонарушений: от ведения полномасштабной террористической деятельности до гипотетической угрозы национальному достоинству и нравственности граждан.

Среди причин, толкающих граждан РК на противоправную деятельность в экстремистских и террористических организациях, официальные лица называют:

- неблагополучную социально-экономическую среду;
- недостаточную религиозную грамотность;
- деструктивную деятельность псевдорелигиозных группировок.

Руководством страны не раз обозначалась необходимость расширения сотрудничества госорганов с НПО, подчеркивалась роль сообществ и семьи в предупреждении радикализации, особенно среди молодых людей. Однако на сегодняшний день в РК в рамках Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013–2017 годы в основном применяются силовые и запретительные меры [23]:

- блокировка отдельных сайтов и страниц силовыми структурами (подвергается критике в связи с низкой технологичностью. Так, блог-платформа ЖЖ в Казахстане несколько лет была заблокирована из-за того, что там был размещен блог Р. Алиева);
- сайты ДУМК (сегодня функционируют более 25 интернет-ресурсов филиалов ДУМК и их аккаунты в популярных социальных сетях, духовно-просветительские сайты E-islam.kz и Islam.kz.);
- мониторинг, проводимый Комитетом по делам религий Министерства культуры и спорта РК. Аналитики ведомства осуществляют ежедневный мониторинг опасных интернет-ресурсов;
- работает более 700 информационно-пропагандистских групп, в составе которых духовенство, теологи, педагоги, психологи и т.д. (с 2013; нет открытых отчетов о деятельности) – проводятся лекции, публикуются печатные материалы.

1.2. Восприятие официальных духовных управлений

В дискурсе как Духовного управления мусульман Казахстана во главе с верховным муфтием Ержаном кажы Малгажыулы, так и представителей Комитета по делам религий¹ преобладают сатисфактивные высказывания, выражающиеся в стремлении отделить в восприятии людей «правильный ислам» от терроризма и экстремизма. Таковым, согласно выражаемому мнению, является ислам ханафитского мазхаба, издавна свойственный мусульманам, проживавшим на территории современного Казахстана. Путем апелляции к прошлому, времени расцвета Казахского ханства, декларируется необходимость «учиться у своих истоков».

Главной угрозой исламу представители данной группы считают «распространение международного терроризма и экстремизма со стороны псевдорелигиозных организаций, античеловеческие разрушительные действия радикальных религиозных движений и организованная преступность со стороны псевдогруппировок» [24]. По отношению к любому рода исламу, отличному от одобряемого официальным духовенством, последнее занимает враждебную позицию, аргументируя ее соображениями как национальной безопасности, так и необходимостью сохранить автономность казахстанской уммы, ее традиций и культуры.

Часто оценочные суждения в аргументации преобладают над фактическими, в результате чего в дискурсе многих представителей религиозной элиты РК и даже экспертов в данной области возникает множество противоречий. Так, З. Абдуманапов, ведущий эксперт Международного центра культур и религий Агентства РК по делам религий, пишет: «Никому не секрет, что 80% казахстанской молодежи сегодня посещают мечети. Этому свидетельствует заполненные на пятничной молитве мечети» [25] (при этом, по информации ДУМК, такие данные в мечетях страны не собирают).

С другой стороны, многие представители данной категории указывают на проблему отсутствия преемственности, разрыв между молодежью и предыдущими поколениями, необходимость популяризации ислама для противодействия терроризму и экстремизму.

1.3. Правоохранительные органы и силовые ведомства

Для оценки дискурса вышеуказанных ведомств были проанализированы тексты выступлений и интервью сотрудников, пресс-релизы и аналитические документы с официальных сайтов Генеральной прокуратуры РК (<http://prokuror.gov.kz>), Министерства внутренних дел (<http://mvd.gov.kz>), Министерства юстиции (<http://adilet.gov.kz>), Комитета национальной безопасности (<http://knb.kz>). Ниже в таблице 1 представлен анализ отличий восприятия проблемы терроризма и экстремизма по ключевым темам в силовых ведомствах РК.

¹ С ноября 2016 года – в составе Министерства по делам религий и гражданского общества, ранее – в составе Министерства культуры и спорта РК.

Табл. 1. Проблемы терроризма и экстремизма в дискурсе правоохранительных органов РК

	Терроризм и экстремизм	ДАИШ	Граждане, вовлекаемые в экстремистскую/террористическую деятельность	Антитеррористическая и антиэкстремистская деятельность
ГП РК	1. Угроза для национальной безопасности / граждан/ общества 2. Преступная деятельность 3. Глобальная угроза	1. Носитель радикальной идеологии 2. Преступная группировка	1. Мишени для радикалов 2. (Потенциальные) преступники	1. Пресечение вербовки и воспрепятствование выезду граждан РК за рубеж, радикализации в стране, профилактика 2. Модернизация ответственных ведомств 3. Совершенствование законодательства
МВД РК	1. Преступная деятельность	1. Преступная группировка	1. Преступники	1. Пресечение противоправных действий на территории РК 2. Совершенствование законодательства
МЮ РК	1. Преступная деятельность	1. Преступная группировка 2. Носитель радикальной идеологии	1. (Потенциальные) преступники	1. Совершенствование экспертизы 2. Модернизация законодательства 3. Приведение в исполнение решений суда
КНБ РК	1. Угроза для национальной безопасности / граждан/ общества 2. Социальное явление 3. Преступная деятельность	1. Угроза для национальной безопасности / граждан/ общества 2. Инструмент радикализации	1. Мишени для радикалов 2. (Потенциальные) преступники	1. Международное сотрудничество 2. Профилактика правонарушений 3. Пресечение вербовки и воспрепятствование выезду граждан РК за рубеж, радикализации в стране, профилактика

Представителями правоохранительных органов в контексте вопросов терроризма и экстремизма актуализируются, в первую очередь, риски переноса деятельности радикальных группировок на территорию РК, вербовка и противоправная деятельность граждан Казахстана как внутри страны, так и за рубежом. Кроме того, часто упоминается необходимость реформирования уголовного и административного законодательства в данной области, совершенствования самих процедур пресечения террористической деятельности.

Ярким примером дискурса на этом уровне является высказывание председателя КНБ РК Н. Абыкаева: «...мы сталкиваемся с массивной вербовкой, пропагандой идеологии экстремизма и терроризма через Интернет, через нелегальное проникновение в страну экстремистской литературы и разных миссионеров <...> В силу недостаточной религиозной грамотности эти идеи способствуют радикализации части верующих, особенно тех, кто недавно пришел в ислам. Некоторые из них <...> начинают думать об участии в так называемом джихаде. <...> Мы не склонны считать нормальным, когда наши граждане становятся военными преступниками, террористами и погибают вдали от родины. <...> Не исключено, что некоторые из этих людей, запутавшись в духовно-нравственных ориентирах, получив профессиональные навыки террористической борьбы и уничтожения себе подобных, вполне могут вернуться с искалеченным сознанием и далеко не лучшими намерениями» [26].

1.4. Масс-медиа и Интернет

СМИ, призванные освещать важнейшие события в стране и мире, представляют собой ключевое направление коммуникаций между властью, обществом и террористами. Информационное сопровождение террористических актов, антитеррористической и антиэкстремистской деятельности государства, делает масс-медиа в некотором смысле заложником ситуации и налагает серьезную ответственность: необходимость освещать происходящие события, с одной стороны, и угроза излишне популяризовать террористические группировки, целью которых и является вызов как можно более сильного общественного резонанса, создают серьезную дилемму.

Сохранение баланса и выверенная риторика в информационном сопровождении террористических актов, как и остальных событий, связанных с экстремизмом и терроризмом, требуют высокой степени профессионализма и осведомленности о происходящем, ведь в век информационных технологий медиадискурс также является составной частью национальной безопасности.

В Казахстане, находящемся на 72 позиции ниже КР во Всемирном рейтинге свободы прессы Международной неправительственной организации «Репортеры без границ» (*Reporters Without Borders*) [27], эта проблема стоит менее остро за счет достаточно серьезного уровня цензуры, используемой журналистами. Президент Международного фонда защиты свободы слова «Адил соз» Тамара Калеева отмечает: «Неумение профессионально, квалифицированно освещать важнейшие вопросы жизни общества, в первую очередь межнациональных, межконфессиональных, межпартийных отношений, страх неоправданного наказания за неудачный опыт приводят к тому, что СМИ пишут об этих проблемах мало и односторонне. <...> Попытки предать гласности, обсудить жизненно важные для общества темы, как правило, неудачны. С другой стороны, правоохранительные органы тоже не знают критериев объективной оценки публикаций СМИ на предмет разжигания межнациональной и межконфессиональной розни. Под предлогом борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом и укрепления национальной безопасности

предлагаются и принимаются жесткие законодательные ограничения в отношении общественных объединений, религиозных структур, политических партий и СМИ» [28].

Для изучения были выбраны наиболее популярные в РК информационно-аналитические порталы: интернет-портал «Нур» [29], Информационное агентство *Zakon.kz* [30], интернет-издание *Tengrinews* [31], «Радио Азаттык» [32], интернет-журнал «Власть» (*vlast.kz*) [33] (согласно рейтингу *Zero.kz* [34]). На вышеуказанных сайтах были выбраны и подвергнуты контент-анализу и (выборочно) дискурс-анализу все материалы с пометками «терроризм» и «экстремизм» за 2015 год.

Табл. 2. Количество материалов в СМИ РК по темам «терроризм» и «экстремизм» за 2015 год

Интернет-портал «Нур» (<i>nur.kz</i>)	301
Интернет-издание <i>Tengrinews</i> (<i>tengrinews.kz</i>)	330
Информационное агентство <i>Zakon.kz</i> (<i>zakon.kz</i>)	136
Интернет-журнал «Власть» (<i>vlast.kz</i>)	147
«Радио Азаттык» (<i>azattyq.org</i>)	94

Интернет-портал «Нур» – самый посещаемый из всех казахстанских сайтов, причем, согласно статистике, наиболее популярной частью его контента являются именно новостные публикации. Особенностью данного портала является тот факт, что около 80% материалов – копия новостей различных информационных агентств. Источники выбираются по большей части российские: русская служба BBC (*bbc.com/russian*), интернет-издания «Вести» (*vesti.ru*), «Дни.ру» (*dni.ru*), Лайфньюс (*lifenews.ru*) и т.д. Этим обусловлена и специфика, дискурс транслируемых новостей и нарративов. Так, из 312 материалов с тегами «терроризм» и «экстремизм», опубликованными на сайте в течение 2015 года, 47% материалов – освещение международных событий, связанных с террористическими актами, сотрудничеством в данной области, 22% – заявления и интервью официальных лиц (в основном РК, РФ и КР) и 17% посвящены уголовным процессам по данной тематике в РК и РФ.

Схожа и информационная политика другого казахстанского новостного агрегатора – Тенгриныйос. Однако здесь значительная часть (около 40%) информационных материалов является уникальной и ввиду этого подлежала дискурсивному анализу. Помимо заимствованных с иностранных ресурсов новостей о международных событиях, связанных с терроризмом и экстремизмом, на сайте публикуются заявления официальных лиц, сообщения о соответствующих правонарушениях в РК и ближнем зарубежье, ведется информационное сопровождение борьбы с данной угрозой в РК, РФ и государствах Центральной Азии.

ИА *Zakon.kz*, журнал «Власть» и «Радио Азаттык» более насыщены аналитическими материалами: если в первом это правовая оценка законодательства РК по изучаемым вопросам, то второй и третий информационные ресурсы изобилуют интервью, выдержками из выступлений официальных лиц, комментариями экспертов.

Анализ динамики выхода данных материалов показывает, что пиковые значения по количеству материалов приходятся на мировые события, связанные с ДАИШ (см. рис. 1). Так, всплеск в январе (1) соответствует терактам в Париже (расстрел редакции *Charlie Hebdo*, захват заложников у Венсенских ворот). Повышение интереса журналистов к данной теме осенью 2015 года легко связать с началом российской военной операции в Сирии (2), а максимальное количество материалов за анализируемый период приходится на освещение и рефлекссию ноябрьских терактов в Париже (3).

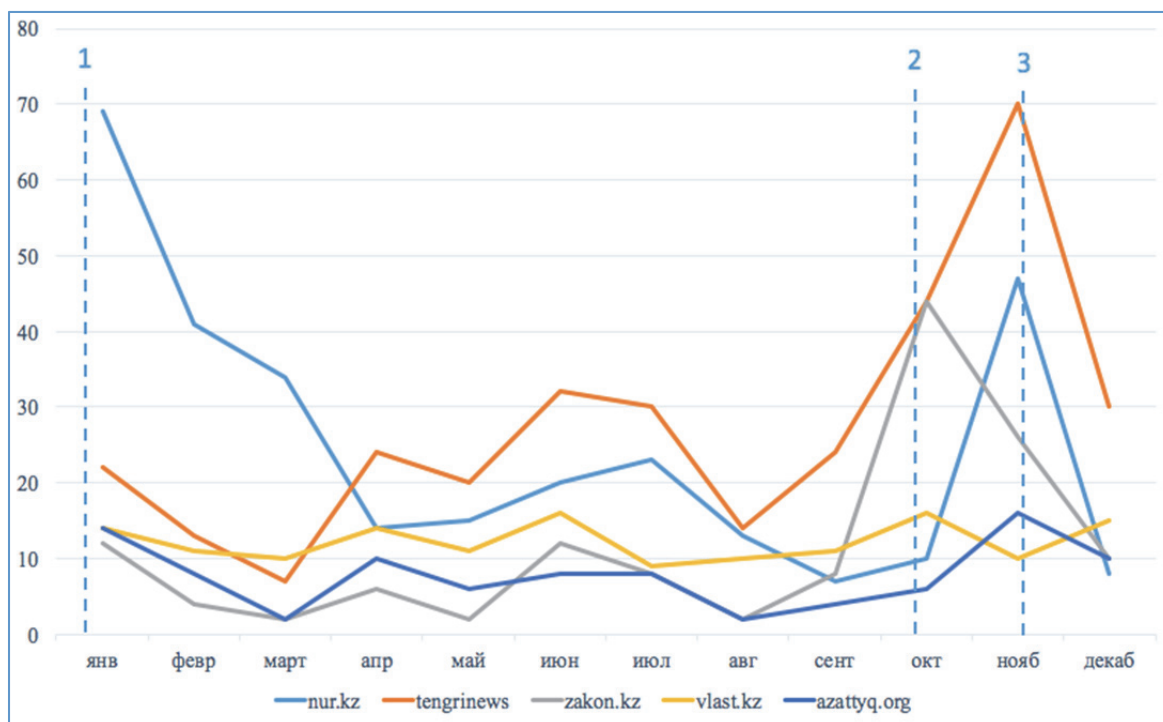

Рис. 1. Динамика выхода публикаций в анализируемых СМИ Казахстана, 2015 год

В целом дискурс казахстанских СМИ можно охарактеризовать как достаточно сдержанный. Наиболее часто сопровождают термин «терроризм» такими концептами, как «угроза», «атака», «конфликт», «борьба», «радикальный». Из выступлений официальных лиц, цитируемых в материалах, выбираются либо директивные речевые акты, либо фразы, направленные на формирование эмоционального отношения к терроризму как к явлению, к террористам и радикальным экстремистам (они чаще всего описываются как преступники либо как жертвы соответствующих группировок).

1.5. Общественное восприятие

Для оценки общественного дискурса был проанализирован уровень интереса к изучаемой теме среди интернет-пользователей и проведен социологический опрос среди молодежи. Оценка интереса к вопросам экстремизма и терроризма в Интернете важна для выявления количественного уровня секьюритизации данных проблем в обществе.

Проведенный анализ показал, что интерес интернет-пользователей из Центральной Азии к террористическим организациям за последние два года возрос. Показательным является также тот факт, что в русскоязычном сегменте Интернета именно государства нашего региона лидируют в рейтинге показов по подобным запросам (см. рис. 2).

Популярность запросов по словам «терроризм» и «экстремизм» распределилась следующим образом: (1) діни экстремизм, (2) терроризм, (3) религиозный экстремизм, (4) экстремизм и/мен терроризм, (5) экстремизм в Казахстане [35].

В качестве примера для анализа «популярности» в обществе террористических группировок была выбрана самая узнаваемая из них на сегодняшний день – ДАИШ (ИГИЛ, Исламское государство).

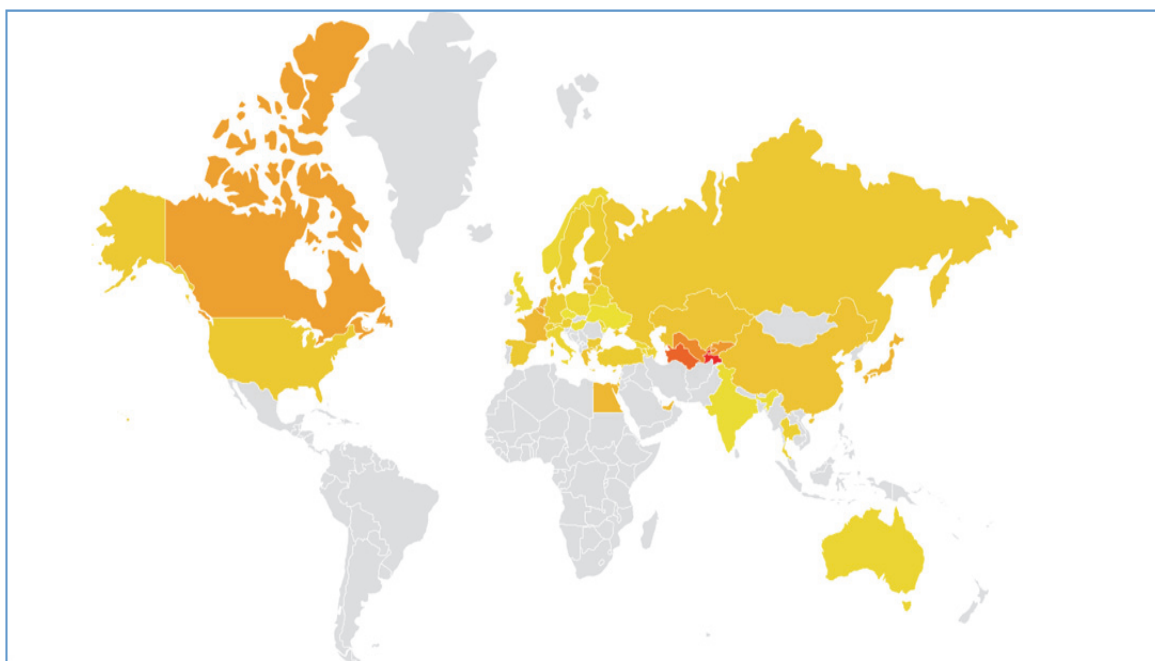

Рис. 2. Статистика показов по запросу «ИГИЛ» в мире (по материалам Google.com)

Согласно статистике поисковых запросов к сервису Поиск Mail.Ru, наибольший интерес к ДАИШ проявляют мужчины в возрасте от 19 до 49 лет и женщины в категории 35–49 лет [36].

Так, по статистике Google Trends, динамика поисковых запросов по тегу «ИГИЛ» и схожим запросам («Исламское государство», «Исламское государство Ирака и Леванта» и т.д.) в Казахстане возросла с 14 в августе 2014 года до 84 на январь 2016 года (см. рис. 3). Яндекс: подбор слов подтверждает существующую тенденцию: за 2015 год региональная популярность (*affinity index*, доля, которую занимает регион в показах по данному слову, деленная на долю всех показов результатов поиска, пришедшихся на этот регион) ИГИЛ возросла на 144%.

Рис. 3. Динамика популярности поискового запроса «ИГИЛ» в РК согласно статистике Google (январь 2014 – январь 2016 гг.)

Наибольшее количество таких обращений исходит от пользователей из Мангистауской, Актюбинской и Атырауской областей, популярна эта тема в Костанайской, Павлодарской и Карагандинской областях, ВКО и ЮКО, в Астане и Алматы. В остальных регионах поисковая активность в данном направлении практически нулевая. Повышенная региональная популярность (выше 1000%) наблюдается преимущественно в небольших городах и районных центрах: Карабулаке, Узынагаше и Жансугурове (Алматинская область), Шетпе (Мангыстауская область), Жезды (Карагандинская область), Сарыкемере (Жамбылская область).

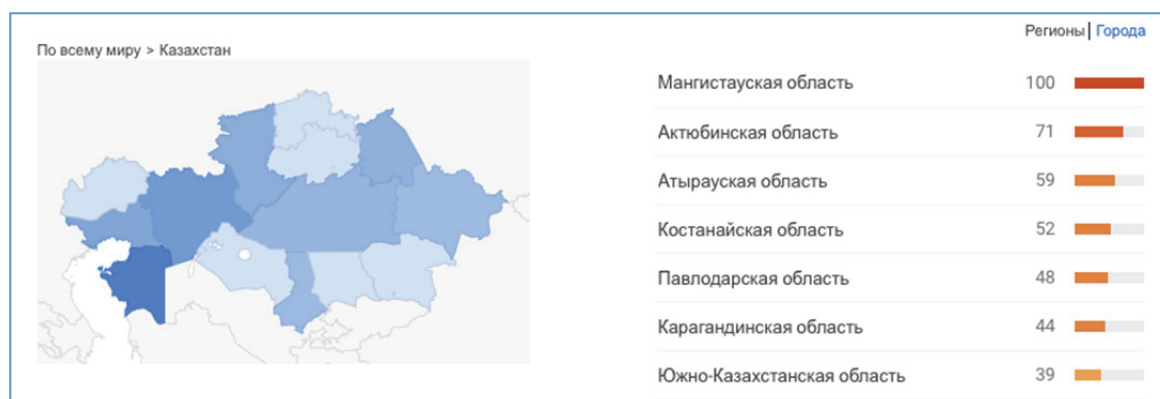

Рис. 4. Популярность поискового запроса «ИГИЛ» по регионам РК согласно статистике Google (январь 2014 – январь 2016 гг.)

Секьюритизация вопросов терроризма и экстремизма

В ходе социологического опроса была также сделана попытка оценить степень секьюритизации угроз терроризма и религиозного экстремизма в казахстанском обществе.

Опрос молодежи показал, что лишь каждый десятый респондент из Казахстана считает основным вопросом в повестке безопасности рост религиозного экстремизма, причем в большинстве своем это люди, иденти-

фицирующие себя как мусульмане (68%) и лишь 12% атеисты, 10% христиане. Проблема религиозного экстремизма находит свою актуализацию в казахскоязычном сегменте опрошенных казахстанцев (19,9%), которые при этом вдвое ниже оценивают угрозы роста протестности и коррупции (см. рис. 5).

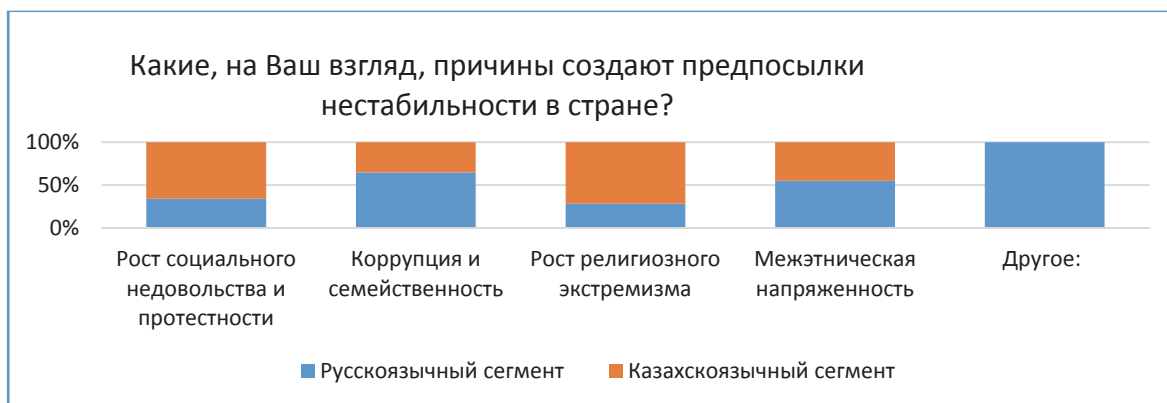

Рис. 5. Казахстанцы о предпосылках нестабильности

Среди казахстанцев, выбравших религиозный экстремизм в качестве главной проблемы для беспокойства в рамках государства, 15% придерживаются мнения о несостоятельности религиозной политики государства, 5% считают ее ущемляющей права верующих, лояльны – 46% опрошенных. 63% при этом считают, что государство должно взять на себя полномочия по регулированию религиозной сферы, 12% ратуют за законодательное закрепление религиозных норм, и 17,5% – за полное отделение религиозных институтов от государственных; 8% считают, что отношения между ними должны носить лишь консультативный характер.

Рис. 6. Религиозная политика власти в общественном дискурсе РК

Идентификация и конфликтный потенциал

Традиционно источником религиозных знаний для жителей региона являются семейные традиции. В РК этот вариант выбрал 41% молодежи. Относительно высок уровень тех, кто для изучения религии обращается к

специализированной литературе (19%) или к религиозному наставнику (18%). Меньшая часть использует интернет-сайты или смотрит телевизионные передачи. Для казахоязычных респондентов ТОП-3 источников составили: общение с наставником (29,6%), ТВ-передачи (18,6%) и литература (16,7%).

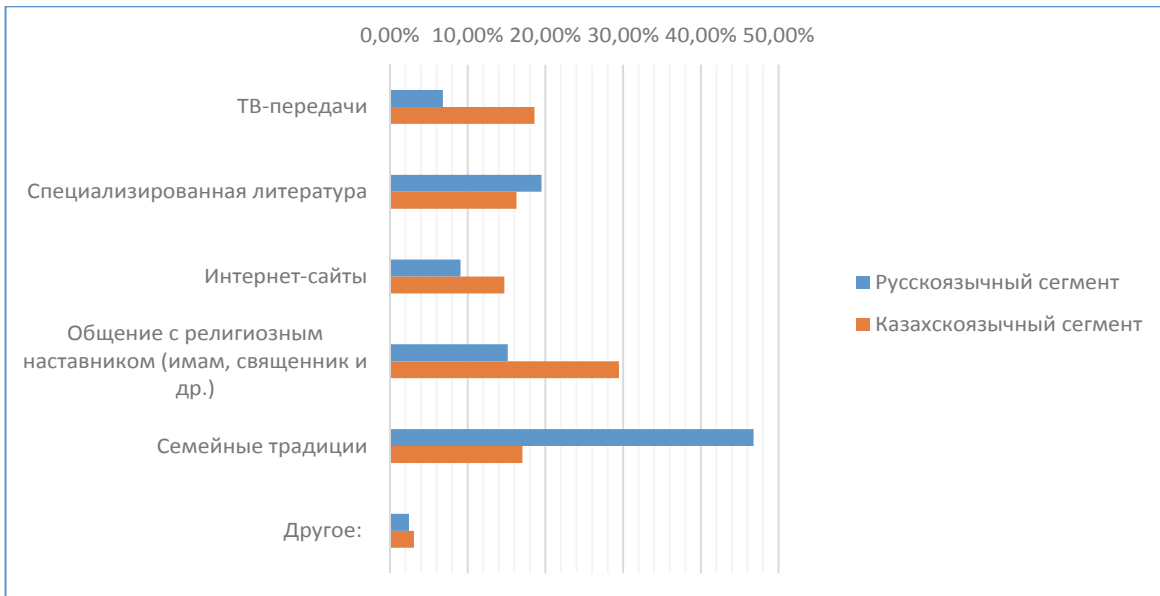

Рис. 7. Источники религиозных знаний для респондентов (из числа верующих) из РК

В конфликте за интересы представителей своей религии готовы принять участие 11% казахстанцев (из них 70,2% мусульман и 21% христиан, 9% представителей других религий).

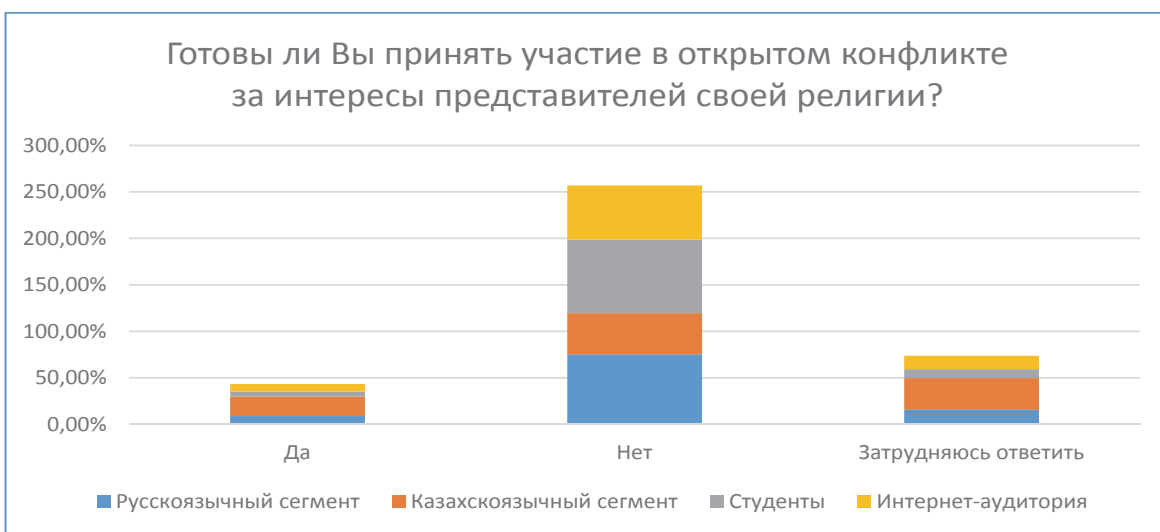

Рис. 8. Конфликтный потенциал респондентов из Казахстана Из жителей РК, потенциально готовых на конфликт на религиозной

почве, лишь 1% признается, что состоит в организациях по религиозному или этническому признаку, а половина не хочет быть членами подобных объединений. В этой группе религиозные знания черпают из соответствующей литературы более трети респондентов, столько же берут за основу семейные традиции.

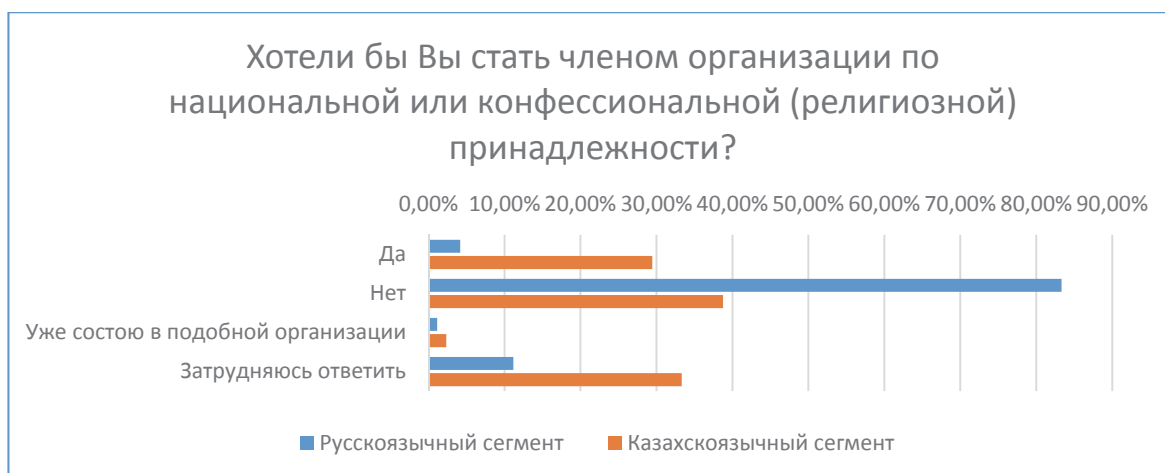

Рис. 9. Готовность быть членом религиозных/национальных объединений (РК)

Из числа идентифицировавших себя как мусульмане готовы стать членами организации по религиозной принадлежности 5,9% девушек и 10,2% юношей. 1,5% и 0,5% соответственно уже состоят в подобных объединениях, из них рассматривают возможность принять участие в конфликтах на религиозной почве 8,2% девушек и 4,7% мужчин.

Оценка религиозной политики государства

Из мусульман Казахстана удовлетворены религиозной политикой государства 59,2%, признают не отвечающей современным вызовам 13%, ущемляющей права верующих – лишь 5% опрошенных. За светскость государства выступают 15,2%. Закрепление государственной религии считают необходимым 5%, а установление на законодательном уровне религиозных норм, так же как нормы шариата в мусульманских странах, – 11%. Причем подавляющая часть респондентов, выступающих за легитимацию религиозной сферы в политической жизни, считающих современную религиозную политику Казахстана учитывающей интересы верующих, и в большинстве своем придерживающихся данной позиции, не готовы становиться членами организаций по национальной или конфессиональной принадлежности.

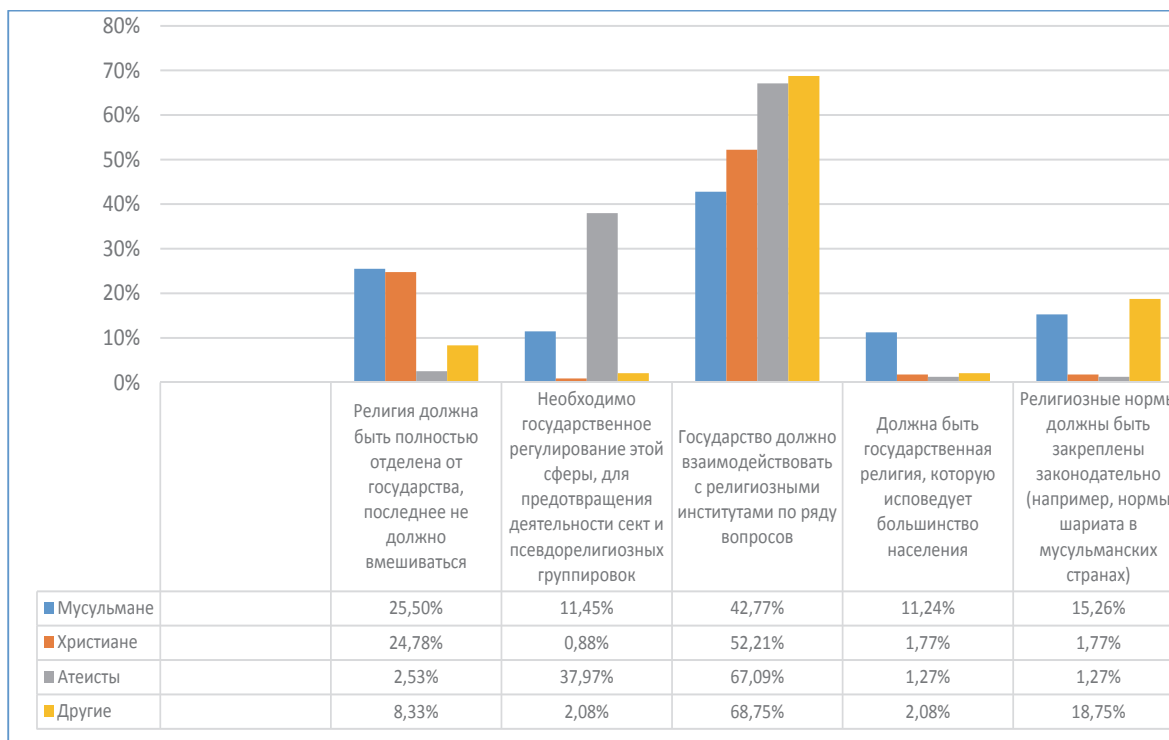

Рис. 10. Ответы респондентов РК на вопрос: «Как, по Вашему мнению, должны строиться отношения между государством и религиозными институтами?».

Христиане РК в своем большинстве также поддерживают религиозную политику страны, лишь 1,5% считают ее ущемляющей права верующих. 11% утверждают, что она не соответствует современным вызовам. Пятая часть опрошенных христиан считает, что должна быть полностью отделена от государства, а 53% уверены в необходимости государственного регулирования этой сферы общественной жизни. Еще четверть наилучшей моделью считают взаимодействие государства и религиозных институтов.

В казахскоязычном сегменте опрошенных граждан РК ответы распределились несколько иным образом: выше доля ратующих за закрепление в законодательстве религиозных норм (16,8% против 5,8% в русскоязычном), но при этом больше и число поддерживающих светский характер государства (20% и 17% соответственно).

Восприятие проблем терроризма и экстремизма

Угроза терроризма и религиозного экстремизма является одной из самых актуализируемых в СМИ и официальном дискурсе. В данном исследовании была сделана попытка произвести замер общественного мнения в студенческой среде: насколько серьезно ее оценивают опрошенные, как успешно, по их мнению, идет противодействие этим явлениям со стороны государства. Также была проанализирована осведомленность респондентов о существовании и деятельности террористических и экстремистских организаций.

Достаточно большая доля респондентов оценивает уровень террористической угрозы как высокий. Так, 54,5% в РК считают возможность терактов реальной, а 5%, следовательно, считают, что такие акции неизбежны. Оптимизм в данном отношении проявляют гораздо меньше опрошенных: лишь 9,5% казахстанцев убеждены, что совершение террористических актов в ближайшее время невозможно. Маловероятными считают атаки террористов 48% студентов РК и 63,5% молодежи, опрошенной в Интернете.

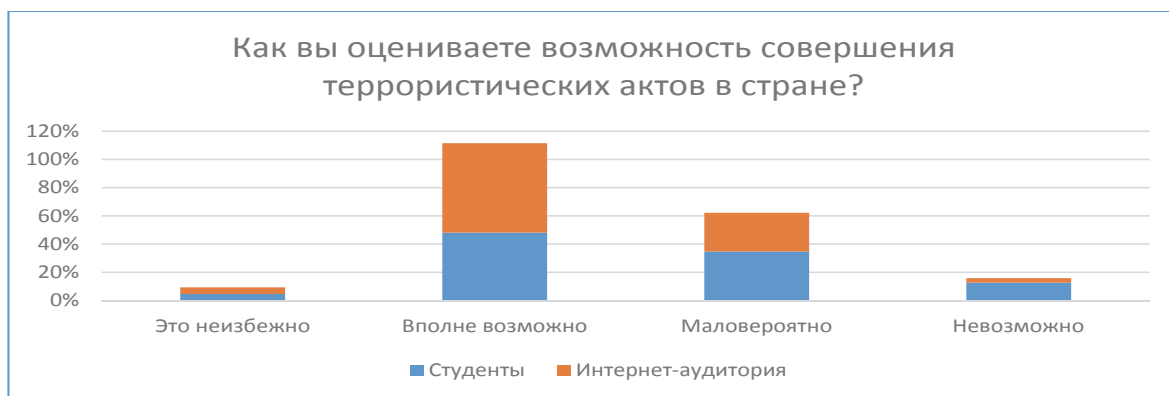

Рис. 11. Секьюритизация террористической угрозы в общественном дискурсе РК

При достаточно высоком уровне пессимизма респонденты, однако, весьма положительно оценивают антитеррористическую деятельность государства: в Казахстане ее считает эффективной или в целом эффективной 61% опрошенных. Негативно относятся к качеству противодействия терроризму со стороны правительства и спецслужб 13,5% казахстанцев.

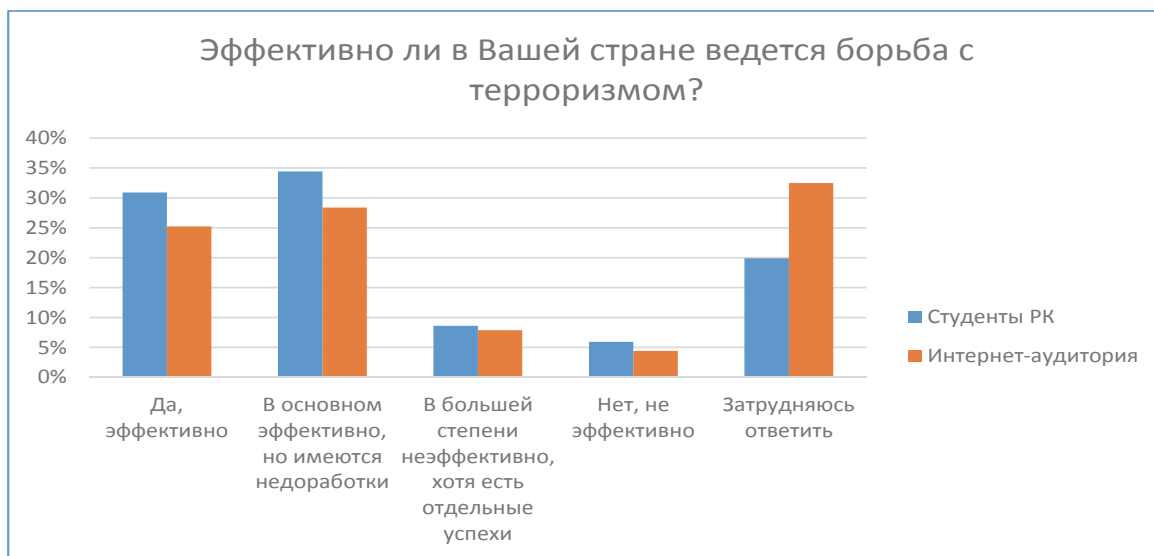

Рис. 12. Оценка антитеррористической деятельности государства (РК)

Кроме того, опрошенным было предложено выделить наиболее эффективные меры по борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом. Наибольшую популярность приобрели:

- проведение разъяснительной работы в школах, колледжах, вузах (56,6% придерживаются этой позиции);
- усиление контроля над деятельностью религиозных организаций со стороны государства (50%);
- ужесточение законодательства по отношению к лицам, причастным к терроризму и экстремизму (51%);
- повышение уровня жизни населения (39,8%);
- запрет деятельности определенных религиозных организаций (27,1%);
- формирование государственной идеологии (19,8%);
- формирование гражданского общества (19,2%).

Осведомленность о деятельности деструктивных организаций и ее восприятие

Из предложенного списка террористических и экстремистских группировок большинство респондентов знают о существовании ИГИЛ/ДАИШ (66,4% в РК) и Аль-Каиды (68,8%). Следующими по «популярности» стали Талибан (48%) и Братья-мусульмане (27,3%).

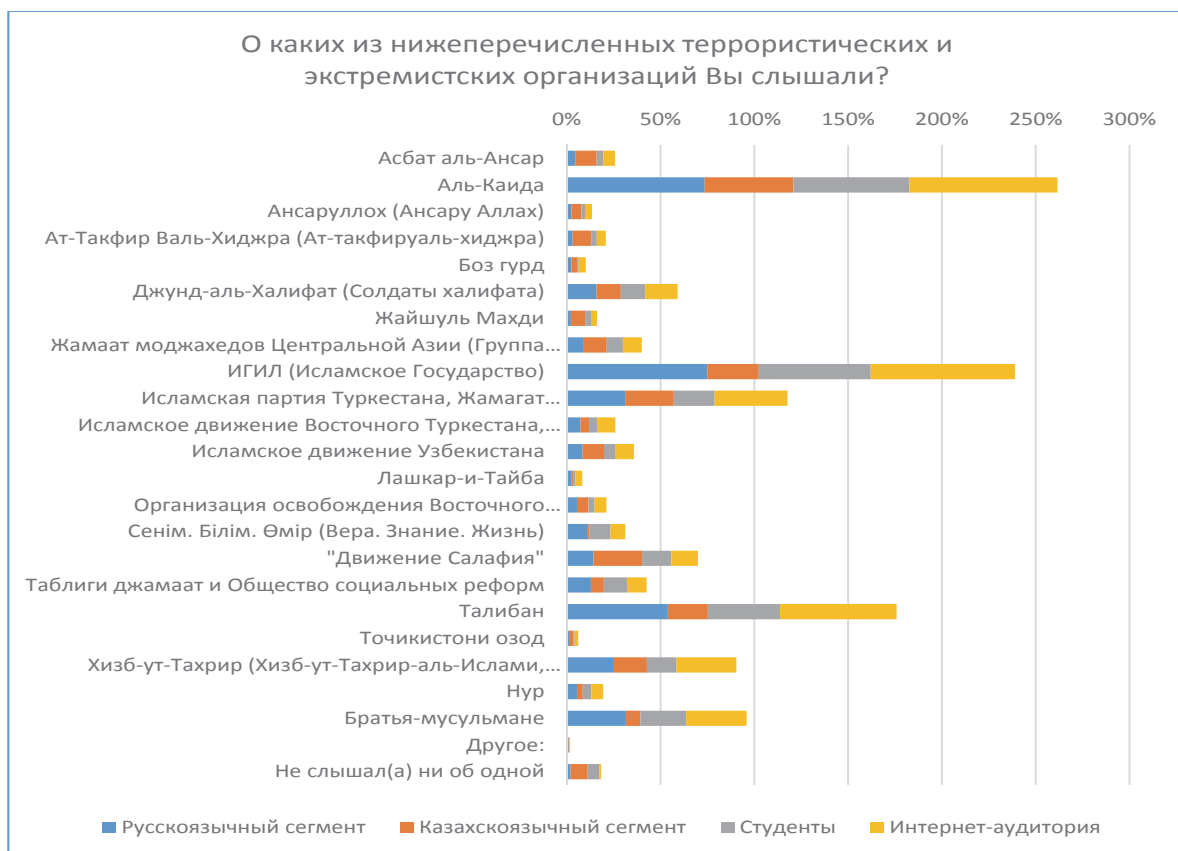

Рис. 13. Информированность о террористических и экстремистских организациях (РК)

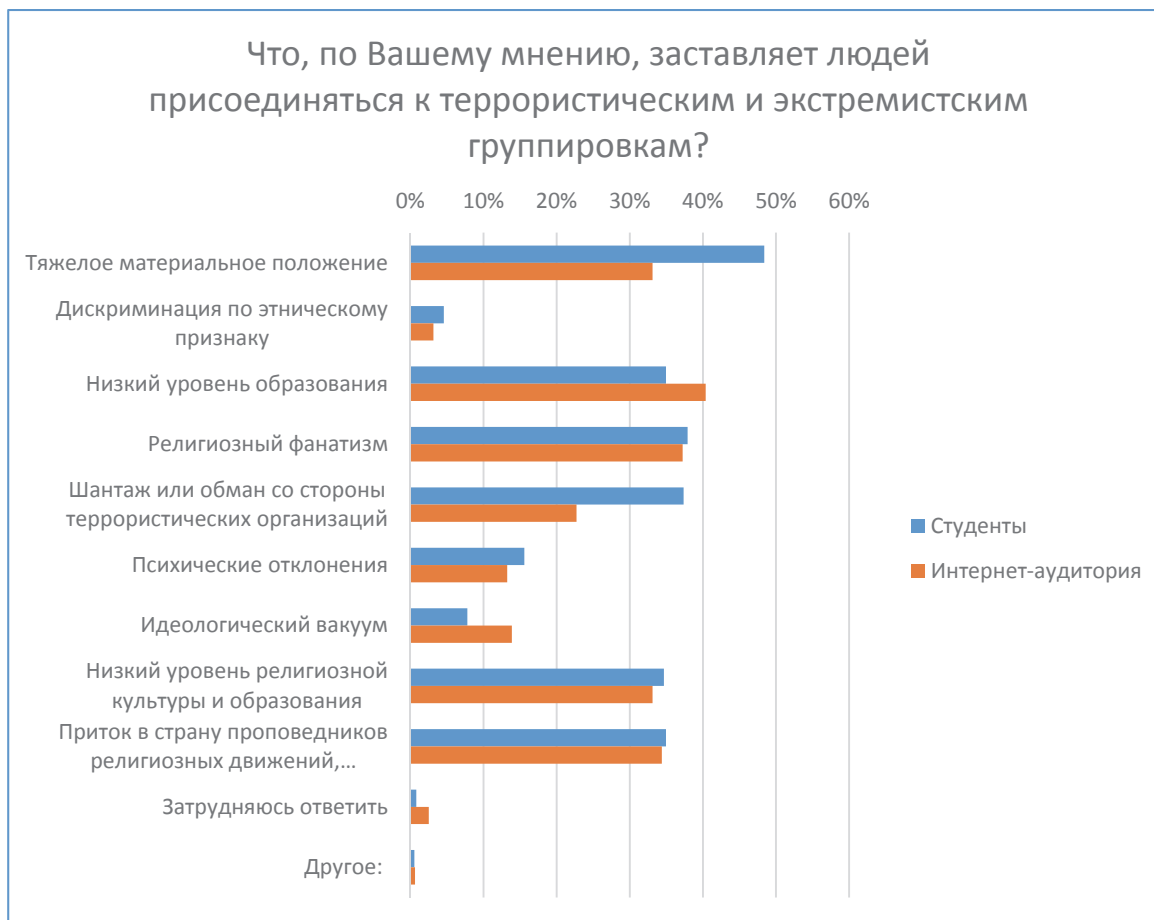

Рис. 14. Причины вовлеченности в деструктивные группировки в общественном дискурсе Казахстана

Если в студенческом дискурсе наблюдается тенденция к оправданию террористов: максимальное количество голосов респондентов было отдано за следующие причины присоединения к террористическим и экстремистским группировкам: тяжелое материальное положение (48,3%), шантаж и обман (37,4%), то интернет-пользователи, принявшие участие в опросе, предпочли объяснить тягу к таким объединениям низким уровнем образования (40,4%), религиозным фанатизмом (37,3%) и усилением деятельности религиозных проповедников деструктивных течений (34,4%).

Рис. 15. Варианты борьбы с терроризмом и экстремизмом в общественном дискурсе РК

По результатам социологического опроса удалось выяснить, что по уровню секьюритизации в общественном сознании молодежи радикализация уступает таким проблемам, как коррупция и социальная неустроенность. Усиление экстремистских настроений в обществе при этом в 3 раза (7% и 19,8% соответственно) сильнее актуализируется казахскоязычными респондентами. Они же (20%) выражают готовность защищать интересы своей этнической и религиозной общины – среди русскоязычного сегмента доля готовых к такой мобилизации вдвое меньше.

Осведомленность опрошенных о существовании террористических организаций находится на достаточно низком уровне и сводится к знаниям о наиболее популярных в мире группировках.

В то время как большая часть опрошенных лояльно относится и к религиозной политике государства, и к его антитеррористической деятельности, более 60% анкетированных указали, что опасаются совершения террористических актов на территории РК. При этом решение проблемы основная доля респондентов видит в ужесточении государственной политики как в области законотворчества, так и в усилении контрольно-запретительных мер в отношении религиозных организаций.

1.6. Экспертный опрос и дискурсивные характеристики

Экспертный опрос, объединивший мнения и дискурсивные характеристики специалистов в области международных отношений, религиоведения, юриспруденции и журналистики, позволил выявить, каким образом строится экспертный дискурс на изучаемую тематику. Были определены ключевые вопросы, волнующие экспертов, относительно центральноазиатской и государственной безопасности, антитеррористической и антиэкстремистской политики, деятельности деструктивных групп на территории РК и вовлеченности в нее граждан страны.

В первую очередь, перед экспертами стояла задача оценить уровень и характер угроз для региона Центральной Азии в целом и Казахстана, в частности. Казахские специалисты склонны отдавать предпочтение традиционным угрозам, среди которых называются геополитическая борьба великих держав в регионе (67%), наркотрафик (72%). Также все государства являются слабыми (в качестве характеристик «слабости») признаются: «отсутствие монополии на насилие», «отсутствие устойчивой гражданской структуры», «периферийный менталитет») – это мнение разделяют все интервьюируемые.

Уровень секьюритизации проблемы властями республики опрошенные оценивают как высокий в силу различных причин:

- отражение общественного мнения (77%);
- «модность» (62%);
- получение рычагов управления обществом (58%);
- боязнь политизации ислама (22%).

Кроме того, интервьюируемые (82%) скептически относятся к возможности эффективного сотрудничества по противодействию исследуемым угрозам в рамках действующих в регионе международных организаций. Что касается внутригосударственных мер противодействия терроризму, эксперты называют повышение (или даже формирование) государственной идеологии (34%), усиление работы и взаимодействия спецслужб (58%), проведение воспитательной и разъяснительной работы с уязвимыми группами населения (88%), повышение благосостояния населения и решение сопутствующего комплекса социально-экономических проблем (92%) и региональная интеграция (12%).

Интересно экспертное восприятие фактора ДАИШ (см. рис. 16): эксперты выделяют несколько уровней угроз, связанных с ним. В первую очередь, опасность представляет информационная составляющая (77%), в том числе присоединение – реальное или декларативное – к этой организации этнических радикальных группировок, действующих на территории Центральной Азии и Афганистана, а также участвующих в боевых действиях на Ближнем Востоке. Самая крупная и известная террористическая группировка ЦА – Исламское движение Узбекистана – уже заявила о поддержке ценностей и целей Исламского государства. Ее лидер Усман Гази заявил:

«Главная проблема ИГИЛ для стран Центральной Азии в том, какие смыслы они транслируют. И мы на сегодняшний день ничего не можем им противопоставить».

Эксперт из РК

«От лица всех членов нашей организации и во исполнение нашего священного долга объявляю, что мы находимся в одних рядах с ИГ в этой продолжающейся войне между Исламом и его врагами» [37]. По мнению части экспертов (30%), нельзя отрицать возможности присоединения к ДАИШ и остальных экстремистских движений, что создаст дополнительный аспект напряженности в регионе. С другой стороны, 40% экспертов разделяют позицию о том, что группы, публично подтвердившие свою принадлежность к ДАИШ лишь для того, чтобы использовать этот бренд в своих целях, в большинстве своем представляют не террористическую угрозу, а скорее криминальную.

Следующей по популярности угрозой ДАИШ в экспертном дискурсе стало продвижение этой террористической организацией нарративов, смещающих традиционные для казахстанского общества нормы морали в другую плоскость: оправдание жестокости, насилия и убийств, тафир и прочие упрощенные религиозные догматы, «уводящие в средневековье» (42%).

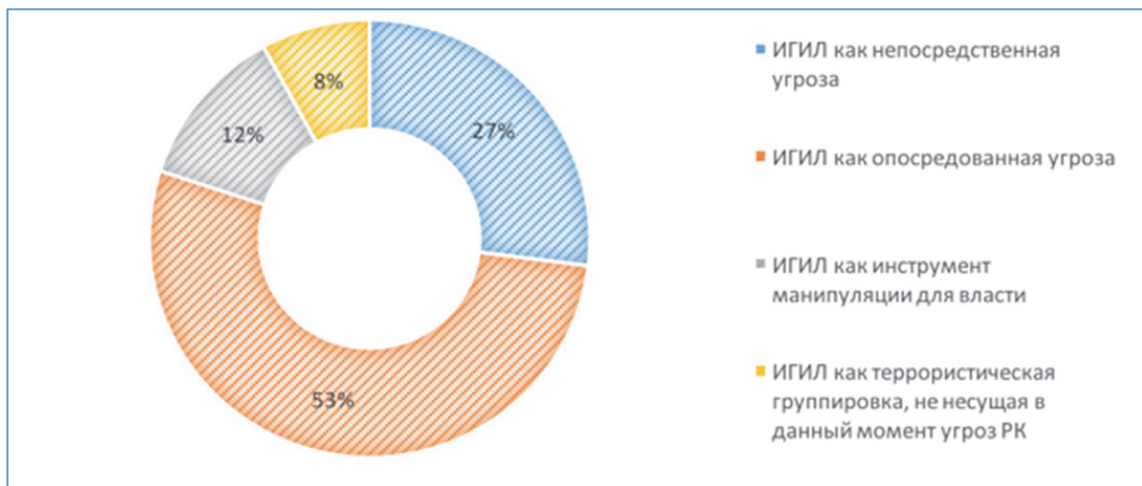

Рис. 16. Образ ДАИШ в экспертном дискурсе РК

Еще одной опасностью становится рекрутинг граждан РК в ряды этой и других террористических группировок и, как следствие, проблема возвращенцев.

По поводу того, для какой из стран региона угроза террористических актов наиболее актуальна, эксперты разошлись во мнениях. Однако из числа стран, меньше всего подверженных прямой террористической угрозе, называют Казахстан и Узбекистан в силу наличия более эффективных спецслужб и более сильной власти.

Проблема религиозного экстремизма также находит отражение в опасениях опрошенных казахстанских экспертов. Корни ее кроются: в слишком стремительном процессе исламизации после получения независимости (56%), в непопулярности и недоверии определенных категорий населения официальному духовенству (32%). Кроме того, причинами радикализации в обществе становятся социально-экономические проблемы, недоверие к власти, низкий уровень образования и религиозной культуры в постатеистическом обществе, а также субъективные причины и поводы для

каждого отдельного человека. Религиозный радикализм порождается также маргинализацией верующих в обществе (13%), светским радикализмом, когда дискриминации, к примеру, при приеме на работу подвергаются люди, носящие религиозную атрибутику.

Главной мишенью эмиссаров радикально-экстремистских группировок становятся неофиты – так, например, согласно исследованию Е. Карина «Солдаты халифата», лишь 5% представителей этой группировки получали какое бы то ни было религиозное образование [38]. Опрошенные религиоведы единогласно считают, что именно традиционный для региона ислам ханафитского мазхаба служит «прививкой» от идей радикализма и может вернуть завербованных в привычное русло жизни.

Наиболее расходятся эксперты во мнениях относительно методов и инструментов борьбы с такими явлениями, как терроризм и религиозный экстремизм. Так, 47% считают, что региональное сотрудничество в данной сфере неэффективно, поскольку проблемы носят скорее внутренний характер, что делает невозможным использование таких инструментов, как, например, Коллективные силы оперативного реагирования ОДКБ. Дискурсивные противоречия в цитатах экспертов отражены в таблице 3.

Табл. 3. Экспертный дискурс РК о коллективной региональной безопасности ЦА

«За»	«Против»
Координировать действия в рамках международных организаций важно – это и гарантии друг другу, и обмен опытом; во-вторых, во внутренней политике эти вызовы остаются весьма актуальными. На борьбу и профилактику роста террористических угроз и религиозного экстремизма из бюджета выделяются большие средства (другое дело – как они используются).	Сущностного совпадения нет. Нет смысла вступать всем в региональные организации – это колхоз. Региональная безопасность ЦА определяется комплексом режимов, которые друг на друга накладываются. Идет обмен информацией, деятельность по ограничению финансирования, согласование оперативной деятельности. Работаем либо с факторами, либо с последствиями, но не с причинами <...>. Для этого надо отказываться от суверенитета.

Следующий узел противоречий сложился относительно вопроса о контрольно-регулятивной деятельности властей в религиозной сфере (см. табл. 4): часть экспертов (47%) склоняется к тому, что деструктивные религиозные течения приносят слишком большой вред обществу и должны оперативно устраняться властью. Остальные приводят аргументы преимущества более либерального подхода: конституционно светский характер государства, не позволяющий вмешиваться в религиозную сферу (22%), нахождение всех религиозных организаций и их членов в правовом поле и, как следствие, наличие у власти множества инструментов для их контроля как альтернатива подпольному существованию таких групп (23%).

Табл. 4. Государственное регулирование религиозной сферы в экспертном дискурсе РК

«Против»	«За»
<p>Необходимо признавать всех, но если они нарушают закон, наказывать. Существует множество инструментов для этого, чисто правовых решений не должно быть. Должны работать представители духовенства. Но готово ли официальное духовенство заняться этим? Нет. Они прячутся за государство, а государство наведет порядок как слон в посудной лавке. Так что, как говорят в священных писаниях, по поступкам определяй, а не по словам.</p>	<p>Какова религиозная стратегия государства? Мы управляем? – Нет, мы светское государство. Мы в разных мирах? – Нет, если не контролировать, можем однажды оказаться исламским государством.</p>

Ниже в виде облака слов представлены результаты экспертного опроса: с помощью контент-анализа были определены наиболее часто используемые слова, составляющие семантическое ядро экспертного дискурса (рис. 17).

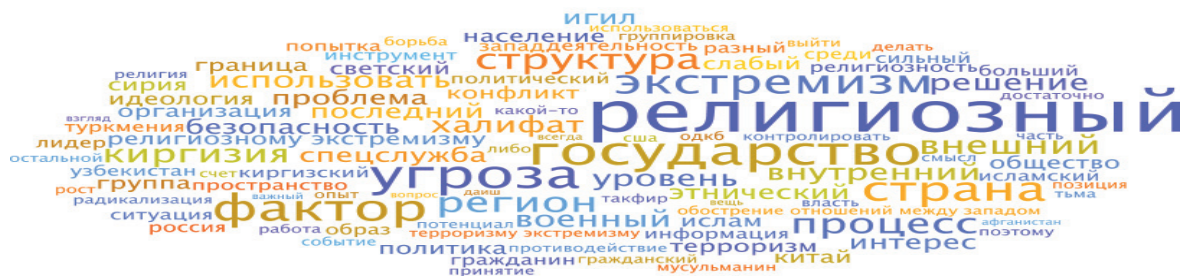

Рис. 17. Наиболее часто употребляемые слова и выражения в экспертном дискурсе РК

Очевидно, что наиболее часто опрошенные специалисты пользовались термином «религиозный экстремизм», ставя его во главу повестки дня. Уровень секуляризации представляется высоким. Употребляются характеристики: «угроза», «проблема», «конфликт», «борьба», «обострение», «противодействие».

Анализ дискурс-картин опрошенных экспертов показывает, что в сообществе приемлема полипарадигмальность – видение реальности отдельных экспертов зависит от принятой ими методологической перспективы. Существует достаточно широкий спектр мнений по ключевым вопросам. В дискурсе казахстанского экспертного сообщества практически не выявлено случаев применения языка вражды, позиции аргументированы.

1.7. Кейс-стади: события в Актобе и Алматы

Для иллюстрации вышеизложенных взглядов на вопросы терроризма и экстремизма в Казахстане рассмотрим два резонансных случая лета 2016 года: террористические акты в Актобе 5–6 июня и в Алматы 18 июля.

В первом кейсе группа вооруженных людей, которых определяют как «последователей нетрадиционных религиозных течений», напали на два оружейных магазина, после чего, захватив автобус, проникли на территорию военной части. В результате погибли 7 человек, 22 человека ранено, убито 18 террористов. События, разворачивавшиеся в ситуации информационного голода, породили множество слухов и опасений среди населения.

Официальные лица начинают комментировать произошедшее только по завершении активной фазы. Первым был К.-Ж. Токаев, в своем Twitter-аккаунте написавший: «Теракт в Актобе в канун святого Ораза – проявление крайнего цинизма и жестокости бандитов. Принимаются самые жесткие меры для их наказания» [39]. Далее к гражданам обратился аким Актюбинской области Бердибек Сапарбаев, отметивший, что ситуация стабилизирована, а нападавшие были представителями «радикальных нетрадиционных религиозных течений» [40]. Далее, 8 июня с заявлением выступил Президент РК, призвав народ к сплочению и указав, что «террористический акт организован приверженцами радикальных псевдорелигиозных течений, инструкции они получили из-за рубежа». Кроме того, Глава государства упомянул «цветные революции» как вариант противоправных действий, признаки которых проявляются и в Казахстане. В выступлении был отмечен героизм силовиков и военных, ликвидировавших террористов [41]. Подтверждает тезис об иностранном призыве и министр иностранных дел РК Е. Идрисов. Он рассказал о призыве к насильственным действиям по всему миру в месяц Рамазан со стороны Абу Мухаммада аль-Андани. Механизмы такой идеологической работы он представляет следующим образом: «...сейчас не идет прямого штучного персонального инструктажа, через такие послы можно найти группу людей с нестабильной психикой и [тех], которые могут подвергаться влиянию таких обращений» [42].

Представители силовых ведомств в своих выступлениях стараются не идентифицировать конкретно произошедшие события: например, министр внутренних дел РК К. Касымов в ходе встречи с населением заявил: «...5 июня в Актобе мы вновь столкнулись с проявлением религиозного экстремизма и терроризма» [43]. В официальных сообщениях КНБ преступников называют «участниками насильственных акций» [44].

Представитель ДУМК С. Ораз не замедлил заявить, что, согласно проведенному исследованию, выяснилось: участники вооруженного нападения уже более полугода не посещали мечеть. Руководитель организации Е. Маямеров также отметил: «В обществе прошла информация, что к данным событиям причастны радикалы, прикрывающиеся религией. Однако это не так, так как ислам не разрешает безнаказанно убивать людей, несмотря на их вероисповедание или нацию. В этой связи ДУМК осуждает данные теракты, потому что ислам – это религия мира» [45].

Директор актюбинского консультативно-реабилитационного центра «Ансар» (при УДР Актюбинской области) теолог А. Сабдин убежден, что в Казахстане существует такое явление, как «криптосалафизм» – замалчивание факта, что все насильственные действия в период независимости совершались салафитами. В то же время на официальном уровне это понятие размывается: приверженцев этого радикального течения называют и такфиритами, и недждитами, и просто последователями ИГИЛ. И соответствующий дискурс достаточно распространен в экспертной среде [46].

Все пять изученных СМИ (см. табл. 2) при описании событий пользовались максимально лаконичными выражениями, большую часть публикуемых материалов формируя из официальных пресс-релизов или цитат экспертов и чиновников. Журналисты постарались не давать собственной оценки произошедшему.

В экспертной среде мнения традиционно разделились. Е. Карин считает, что «это были спонтанные действия – ответ на какие-то меры спецслужб в качестве акции устрашения или возмездия» со стороны представителей «спящих» радикальных ячеек – маргинальных групп, разделяющих экстремистскую идеологию [47]. В то же время А. Киманов, эксперт реабилитационного центра «Акниет», отмечает, что произошедшее стало результатом отсутствия системной работы по противодействию радикализации в Актюбинской области, особенно со стороны Управления по делам религий: «...когда нет связки сил профилактики с радикальной средой, рано или поздно вмешается силовой подход, и тут круг автоматически замыкается. То есть мы имеем радикала, которому в приемлемой и доступной форме не довели нормативного понимания тех религиозных вещей, радикальные трактовки которых сделали его радикалом. По заявлению пострадавшего, к этому радикалу возникают вопросы у полиции. Так как сам радикал <...> рассматривает претензии полиции как действия против религии. И тогда у него вызревает желание дать «ответку» правоохранителям. В таких условиях, безусловно, силовой подход справедлив. При этом концентрация должна быть на обезглавливании ячеек, нейтрализации лидеров, с остальными – профилактика и переубеждение» [48].

Более противоречиво в дискурсе всех вышеуказанных групп выглядит второй случай, связанный с насильственными действиями – кейс «алматинского стрелка» Руслана Куликбаева, жертвами которого 18 июля стали девять человек (большинство – полицейские).

Н. Назарбаев, комментируя перестрелку, назвал ее террористическим актом и призвал общество не поддаваться панике. Позже глава МВД озвучил обвинения в адрес Куликбаева: убийство двух и более лиц, нападение на государственное здание, применение насилия в отношении представителя власти и терроризм [49].

Политолог Ерлан Карин отмечает, что алматинский теракт имеет в себе много схожего с деятельностью криминальной группы «целителя Ураза», когда от рук радикализовавшихся членов банды рэкетиров пострадали гражданские, полицейские и сотрудники спецназа.

Досым Сатпаев указал на серьезные проблемы, проявившиеся в данном кейсе: «Власть снова проиграла информационную войну со слуша-

ми; события в Алматы все-таки признали терактом; опять увидели след салафитов; в очередной раз признались, что казахстанские тюрьмы превратились в конвейер по производству радикалов из криминала» [50]. Эксперт напомнил о своем предложении создать отдельные колонии для террористов и экстремистов, чтобы минимизировать их влияние на других заключенных. Того же мнения придерживается и Марат Шибутов, уверенный, что такое учреждение создано из-за боязни возмездия, а также из-за коррумпированности системы МВД [51].

На сегодняшний день «стрелок» приговорен к высшей мере наказания – смертной казни. В своем последнем слове он заявил, что признает совершенные преступления, но не раскаивается: «Я пошел на это потому, что по их вине мои братья [мусульмане и сестры-мусульманки]² незаконно сидят в тюрьмах. Они разлучили их с семьями. Я признаю, что совершил это. Вы можете казнить меня» [52]. В разных источниках эта фраза варьируется, причин этому может быть две: во-первых, судебный процесс велся на казахском языке, соответственно, могли быть различия в переводе; во-вторых, упоминание религиозной принадлежности «братьев», которым сочувствовал преступник, авторы статей могли посчитать неуместным и провоцирующим конфликты. Кроме того, из всех интернет-источников удалены видеозаписи этого монолога. И это не единственный случай удаления материалов о Куликбаеве.

Освещение второго случая в СМИ интересно в том контексте, что многие публикации в интернет-ресурсах становятся недоступными. Так, на сайте газеты «Караван» есть материал от 20 июля под заголовком «Путь в салафиты: подозреваемый в терроризме нашел проповеди в сети «ВКонтакте»». Автор рассказывает, что при задержании у Куликбаева изъяли тетрадный листок с записями, идентифицирующими его как салафита (прилагаются фотографии), делится результатами изучения страницы ВКонтакте подозреваемого в терроризме; берет комментарии у имама [53]. Оригинал этой статьи первоначально, судя по ссылке, вышел на портале *365info.kz*, однако по состоянию на ноябрь 2016 года на данном сайте его уже нет.

Теракты лета 2016 года в Казахстане в дискурсе представителей разных групп выявили, соответственно, разноплановые опасения. Так, представители исполнительной власти, комментируя два вышеуказанных инцидента, традиционно говорят о несистемности таких явлений для РК, о том, что это чуждо казахстанскому обществу. Религиозные деятели призывают не отождествлять преступников с верующими. Эксперты вычленяют все больше проблем системного характера, приведших к насильственным действиям.

Практика показывает, что во время активной фазы террористических атак и какое-то время после них все, кто формирует отношение к случившемуся, стараются наиболее достоверно передать информацию, часто воздерживаясь от оценок. В Казахстане в первые часы после вышеуказанных событий лишь Президент страны публично классифицировал их как терроризм. И это дает повод задумываться как о компетентности других источников информации, так и о степени доверия к ним в обществе.

² В некоторых источниках – просто «братья».

ГЛАВА 2. КЫРГЫЗСТАН

2.1. Политическое измерение

Секьюритизация вопросов терроризма и экстремизма

Степень секьюритизации проблемы терроризма и экстремизма в Кыргызстане на внутривластном уровне представляется более высокой, чем в Казахстане. Так, Президент КР А. Атамбаев регулярно проводит встречи и заседания с представителями силовых структур и органов национальной безопасности. Дважды в пресс-релизах за последний год был упомянут киргизский теолог К. Маликов, с которым Глава государства обсуждал уровень и характер существующих угроз.

При анализе политических текстов, озвученных Президентом КР А. Атамбаевым в 2014–2015 годах, были выделены следующие паттерны:

- борьба с экстремизмом и терроризмом трактуется как «важнейшая задача укрепления государственности и национальной безопасности»; деятельность террористических и религиозно-экстремистских группировок – угроза стабильности в стране. Поднимаются также проблемы финансирования террористов депутатами, данная угроза используется как инструмент политической борьбы внутри страны: «...не только безграмотные отморозки, но и некоторые политики ради власти и денег готовы пожертвовать миром на нашей земле и даже пожертвовать людьми, народом Кыргызстана» [54];

- религиозному экстремизму противопоставляется национализм: «Мы верим, что в мире мусульманство всегда будет. Но в то же время мы – кыргызы! <...> мы готовы на решительные шаги, чтобы защитить и сохранить наш народ, нашу землю, наш язык, нашу национальную культуру. Все должны об этом помнить!».

Так же, как и на уровне законодательных актов и программных документов, в дискурсе Президента КР видны терминологические пробелы. Происходит смешивание понятий: «Там где есть наука, где есть образование, там нет места терроризму. Ибо корни радикализма и терроризма в невежестве и мракобесии» [55] – говорит Атамбаев.

В Кыргызстане упор в противостоянии терроризму делается на общество; государству и его институтам в политическом дискурсе отводится роль «жертвы»: для этого используются такие фразы, как «покушение на стабильность», «расшатывание режима» и т.д. Одну из ключевых ролей играют силовые структуры, также подчеркивается огромное значение «мягкого» компонента в борьбе с угрозами террористического и экстремистского характера.

Методы борьбы с терроризмом и религиозным экстремизмом

В Кыргызстане правовое регулирование борьбы с терроризмом и экстремизмом осуществляется путем реализации следующих документов:

- Закон КР «О противодействии экстремистской деятельности» от 2005 года;

- Закон КР «О противодействии терроризму» от 2006 года;
- Концепция национальной безопасности КР от 2012 года.

Общей проблемой этих правовых актов является размытость терминологии, а также смешивание понятий «экстремизм», «терроризм», «радикализм», «исламизация» и т.д. К примеру, в Концепции национальной безопасности КР угроза терроризма и экстремизма описана следующим образом:

«Религиозный экстремизм и международный терроризм в настоящее время представляет масштабную угрозу для Кыргызской Республики. По своей сути религиозно-экстремистские и террористические организации, консолидировав свои силы на базе единой экстремистской идеологии, становятся мощными преступными интернациональными структурами, имеющими широкую сеть своих единомышленников и в нашей республике.

Для реализации своих планов по ускорению исламизации и радикализации общества стран Центральноазиатского региона международными экстремистско-террористическими структурами, при скрытой поддержке ряда мусульманских государств, используется многочисленная категория миссионеров и фондов, СМИ и интернет-ресурсов, завозится экстремистская литература и другие атрибуты идеологической обработки населения» [56].

Как видно из приведенной выдержки, исламизация приравнивается к угрозе обществу Кыргызстана наравне с радикализацией. Религиозный экстремизм и международный терроризм оказываются также смешанными между собой, нет четких границ употребления этих терминов. Кроме того, в Концепции не делается различие между экстремизмом и насильственным экстремизмом, то есть признания, что человек с экстремистскими взглядами может отвергать насилие как способ достижения своих целей.

2.2. Восприятие официальных духовных управлений

Официальное исламское духовенство Кыргызстана в целом положительно оценивает государственную политику, что ясно из выступлений верховного муфтия КР М. Токтомушева. Он, в частности, заявляет: «Такой религиозной свободы, как в Кыргызстане, нет даже в Саудовской Аравии. Мы бываем за границей, видим ситуацию. Мы должны подчиняться власти, к этому призывал пророк Мухаммед» [57]. В то же время глава мусульман КР актуализирует проблему религиозного экстремизма, в его дискурсе прослеживается попытка отделить категорию «правоверные мусульмане» от категории «экстремисты»: «Дестабилизацию в стране желают люди, не понимающие истинный смысл джихада. Война в Сирии между двумя племенами мусульман произошла из-за мировых политических игр, из-за нефти» [58].

Достаточно резкие высказывания позволяют себе и государственные служащие. Так, первый заместитель директора Государственной комиссии по делам религий КР Табылды Орозалиев заявляет: «...выходящие на проповедь-даават верующие не только исполняют свои обязанности, но

среди них встречаются те, кто организуют провокационные дела, призывают к неправильному направлению» [59], демонстрируя монополизм официально принятого течения в Кыргызстане. Анонимный представитель Государственного управления мусульман Кыргызстана, участвовавший в опросе проекта МНПО *Saferworld*, высказал следующее суждение: «...экстремизм является искусственным инструментом геополитики, который используется для того, чтобы оказывать давление на ислам» [60].

Таким образом, в дискурсе религиозных деятелей КР очевидна секьюритизация религиозного экстремизма и терроризма как угроз «традиционному» исламу, выражается стремление к его защите и охране.

2.3. Правоохранительные органы и силовые ведомства

Для анализа дискурса этой группы были оценены тексты, посвященные терроризму и экстремизму, размещенные на Информационном портале МВД КР (<http://www.mvd.kg>), в официальной группе ГКНБ КР на Facebook (<https://fb.com/www.gknb.kg>), а также стенограммы выступлений представителей соответствующих структур, опубликованные в открытых источниках в течение 2015 года.

В результате проведенного дискурс-анализа выяснилось, что наиболее высокий уровень секьюритизации наблюдается именно в выступлениях представителей силовых структур Кыргызстана: ими используются такие выражения, как «объявлена война», «информационно-психологическое воздействие», «диверсионно-террористическая борьба» и т.д.

«Вопрос радикализации общества крайне актуален не только для Кыргызстана, но и для всего региона. Мы сами видим, что в различных террористических организациях принимают участие и наши граждане. От проявлений экстремизма никто не застрахован» [61], – утверждает Эмиль Жээнбеков, начальник отдела 10-го ГУ МВД Кыргызской Республики. Часто госслужащие выражают и более резкие позиции. Так, председатель Государственной службы по контролю наркотиков Р. Мамбеталиев на одном из брифингов заявил, что «Любой наркобизнес сопровождает экстремизм и терроризм».

Такие оценочные суждения показывают недостаточное понимание угроз и вызовов, которые несут изучаемые явления, а их трансляция в масс-медиа приводит к неправильному восприятию проблемы обществом.

2.4. Масс-медиа и Интернет

Важным критерием в оценке дискурса масс-медиа является анализ так называемого «языка вражды», применяемого в отношении определенных групп населения. Часто этот метод помогает выявить «болевы точки» в обществе, линии раскола между отдельными его группами.

Рекомендация Кабинета Министров Совета Европы № R/97/20 гласит: «hate speech (язык вражды) – это все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрес-

сивного национализма или этноцентризма, дискриминации или враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями» [62].

Интересным в данном контексте представляется ежегодное исследование языка вражды Школы миротворчества и медиатехнологий (Бишкек, Кыргызстан). На основе проводимого мониторинга наиболее популярных СМИ (в Интернете, печати и на телевидении) выявляются ключевые субъекты и объекты «враждебного» дискурса.

2015 год в киргизских масс-медиа, согласно предоставленному отчету, охарактеризовался негативным отношением к исламу и мусульманской атрибутике. В 2014 году аналогичное исследование не выявило подобных негативных нарративов в отношении мусульман, а сейчас язык вражды к ним применяется почти так же часто, как к лидеру рейтинга – межэтническим взаимоотношениям, в силу отождествления мусульман с влиянием деструктивных движений и террористических групп. Около 40% радикальной риторики при этом приходится именно на профессиональных журналистов.

Специалисты Школы связывают такую тенденцию с событиями на Ближнем Востоке и всплеском насилия в Европе и рекомендуют журналистам, освещающим эти темы, детально изучить деликатные вопросы: «Необходимо избегать обобщений и не связывать радикализацию, экстремизм с хиджабом, бородой или этнической принадлежностью. Из-за того, что в СМИ преобладают сообщения с негативным подтекстом, у общества, соответственно, формируется отрицательное отношение к атрибутам ислама и религии в целом» [63], – считает директор Школы Инга Сикорская.

В рамках исследования был проведен дискурсивный (выборочно) и контент-анализ публикаций пяти наиболее популярных (по данным сервиса *alexa.com* [64]) интернет-СМИ Кыргызстана за 2015 год: газета «Вечерний Бишкек» [65], информационные агентства *K-News* [66], *24.kg* [67], новостное агентство *Sputnik* [68], аналитический ресурс для политиков *Vesti* [69].

В целом, динамика выхода материалов по исследуемым темам практически идентична казахстанской. Одним из инфоповодов, вызвавшим всплеск в сентябре 2015 года, стал побег осужденных по обвинению в экстремизме из СИЗО № 50 и последующие события, связанные с ними. Также широко освещалось покушение на исламоведа К. Маликова, совершенное двумя кыргызстанцами, ассоциирующими себя с ДАИШ.

Табл. 5. Количество материалов в СМИ КР по темам «терроризм» и «экстремизм» за 2015 год

Газета «Вечерний Бишкек» (http://www.vb.kg)	187
Информационное агентство <i>K-News</i> (http://knews.kg)	46
Информационное агентство <i>24.kg</i> (http://24.kg)	380
Новостное агентство <i>Sputnik</i> (http://sputnik.kg)	153
Аналитический ресурс для политиков <i>Vesti</i> (http://www.vesti.kg)	62

В газете «Вечерний Бишкек» доминирующим можно назвать тематический блок, связанный с освещением политики противодействия терроризму и религиозному экстремизму в Кыргызстане (66%): приводятся интервью и доклады официальных лиц, законодательные инициативы, сводки по соответствующим правонарушениям, сообщения о деятельности силовых структур и неправительственных организаций. Действия власти в этой сфере преподносятся в целом одобрительно. Далее по степени освещаемости идут международные события: теракты (особенно с участием граждан государств Центральной Азии), борьба с терроризмом и экстремизмом в мире, прочие новости (23%). Особое место в материалах ресурса занимают статьи, посвященные природе терроризма, деятельности и идеологическому, внутреннему устройству популярных террористических группировок (ДАИШ, Аль-Каида), дискуссиям о роли и правомерности деятельности на территории КР таких организаций, как «Таблиги Джамаат» или «Хизб-ут-Тахрир» (6%).

В новостной ленте *K-News* также преобладают сообщения, основанные на внутривнутриполитических событиях в области антитеррористической и антиэкстремистской деятельности (37%), но подача материалов носит нейтральный, описательный характер.

Основной фокус журналистского интереса авторов ИА *24.kg* лежит в плоскости внутренних событий (57% от общего количества материалов), которые освещаются подробно и часто иронично. Информационные и аналитические материалы часто посвящаются критике антитеррористической и антиэкстремистской политики власти, а также (в нейтральном ключе) проблемам, имеющимся в данной области.

Новостное агентство *Sputnik* сосредоточено на анализе мировых событий: террористические акты, коллективная безопасность, угрозы ДАИШ для стран и регионов мира. Кроме того, публикуются официальные пресс-релизы и сообщения, чаще всего без комментариев.

Сайт *Vesti.kg*, позиционирующий себя как аналитический ресурс для политиков, по изучаемой тематике публикует журналистские расследования, поднимающие проблемы экстремизма в Кыргызстане. Статьи представляются достаточно спорными, поскольку изобилуют агрессивной лексикой, оценочные суждения преобладают над фактическим материалом [70].

Многим материалам, изученным в ходе исследования, свойственно наличие этнических конфликтогенных стереотипов, жертвами которых чаще всего становятся этнические узбеки – граждане Кыргызстана, которые, по информации журналистов, составляют, в зависимости от источника, от 60 до 90% от выехавших из страны для участия в боевых действиях в Сирии.

Характерно, что в Кыргызстане освещение религиозного дискурса в СМИ носит менее политкорректную форму, чем в дискурсе политическом. Это легко проследить даже по заголовкам статей, эмоциональная нагрузка и стиль подачи которых может показаться смелым и излишне резким. Так, статья о реформах в системе исламского образования на одном из крупнейших киргизских новостных порталов носит название «Религия.kg: Исламский терроризм, или Политические игры» [71].

2.5. Общественное восприятие

Одним из индикаторов интереса общества к проблемам терроризма и религиозного экстремизма можно по праву считать статистику запросов в Интернете, связанных с этой темой. Наиболее устойчивым в последние два года является информационный бренд ДАИШ, поэтому замеры делались именно на основе поисковых запросов, связанных с деятельностью этой организации.

В Кыргызстане уровень интереса к ДАИШ достаточно высок, однако стабильно он начинает проявляться здесь лишь в июле 2015 года. При этом *affinity index* для Кыргызстана, по данным Яндекс, в полтора раза выше казахстанского – составляет 232%. Здесь максимальное количество обращений по данному запросу также приходится на октябрь – ноябрь 2015 года (см. рис. 18). Лидирует по количеству запросов столица государства г. Бишкек [35].

Самые популярные сочетания, используемые в запросах во всех трех поисковиках (Google, Яндекс, Поиск Mail.ru) – это «ИГИЛ новости», «казни ИГИЛ (без цензуры)» и «ИГИЛ сегодня». В Кыргызстане в пятерке самых используемых запросов есть «чудовище + по имени ИГИЛ угрожает Кыргызстану» [36].

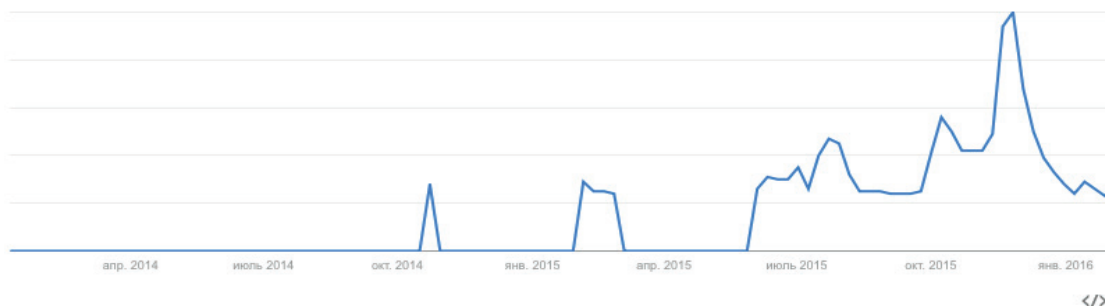

Рис. 18. Динамика популярности поискового запроса «ДАИШ» в КР согласно статистике Google (январь 2014 – январь 2016 гг.)

Интересно и понимание самих терминов «терроризм» и «экстремизм». Так, согласно исследованию, проведенному в Кыргызстане МНПО *Saferworld*, представители сообществ испытывают проблемы с различением понятий «радикализм», «насильственный экстремизм», «фанатизм», «фундаментализм», «джихадизм» и «терроризм», которые в общественном дискурсе часто являются взаимозаменяемыми и отождествляются с исламом: «...представитель сообщества в селе Таш-Булак Джалал-Абадской области, объяснил: «Обычно, когда люди говорят «экстремизм», мы понимаем, религию, главным образом ислам» и продолжил говорить о силе и влиянии даватчи (исламских миссионеров) на неосведомленные сельские семьи. Другие представители сообществ говорили о появлении и влиянии «бородатых мужчин с оружием на ТВ» на молодых людей, ищущих влиятельные образцы для подражания. Другой представитель сообщества дал определение экстремизму как «понятию

вне традиционного ислама». Религиозный лидер из г. Узгена Ошской области объяснил, что «экстремизм – это сопротивление государственному праву и создание отдельного правительства в соответствии с правилами и идеологией шариата» [60].

Секьюритизация вопросов терроризма и экстремизма

Результаты социологического опроса, охватившего 300 студентов из Кыргызстана (см. Приложение 2), показали, что и для представителей обществ КР наиболее актуальными проблемами являются коррупция и рост социального недовольства, а религиозный экстремизм указали в качестве главного повода для беспокойства лишь 10% респондентов (см. рис. 19).

Рис. 19. Кыргызстанцы о предпосылках нестабильности

Рис. 20. Религиозная политика власти в общественном дискурсе КР

В то же время 17% респондентов убеждены в несостоятельности религиозной политики Кыргызстана по причине несоответствия современным вызовам (12,5%) или в силу того, что она является дискриминационной по отношению к верующим (4,5%).

Идентификация и конфликтный потенциал

Рис. 21. Источники религиозных знаний для респондентов (из числа верующих) из КР

Из респондентов, идентифицирующих себя как верующие (подробнее см. Приложение 5), большинство в отправлениях культа руководствуется знаниями, полученными в семейном кругу, по 16% обращаются к соответствующей литературе или к религиозным деятелям. В то же время больше четверти опрошенных (27%) предпочитает черпать информацию о религии из Интернета или телепередач.

Рис. 22. Готовность быть членом религиозных/национальных объединений (КР)

Жители Кыргызстана, принявшие участие в опросе, скорее не готовы к вступлению в объединения, сформированные на основе этнического или религиозного критерия. Лишь 12% респондентов рассматривают такую возможность.

Рис. 23. Конфликтный потенциал респондентов из Кыргызстана

В то же время для гораздо большей доли опрошенных (21%) важна защита своей религиозной группы. Интересно, что среди выбравших этот вариант ответа 53% мужчин и 47% женщин. 51% из готовых на участие в конфессиональном конфликте считают, что главное в отправлении культа – следовать нормам и правилам священных писаний, 20% актуализируют необходимость соблюдения морально-этических норм, а для еще 12% главное в принадлежности к конфессии – выполнение религиозных обрядов.

Оценка религиозной политики государства

В Кыргызстане, считающемся наиболее демократичной и свободной страной региона, молодежь в отношении предпочтительной для общества религиозной политики занимает патерналистские позиции: лишь около 19% респондентов высказались за необходимость реальной секуляризации. Наиболее популярными ответами стали государственное регулирование религиозной сферы и взаимодействие государственных и религиозных институтов по смежным вопросам.

Рис. 24. Ответы респондентов КР на вопрос: «Как, по Вашему мнению, должны строиться отношения между государством и религиозными институтами?».

Восприятие проблем терроризма и экстремизма

Уровень секьюритизации терроризма в Кыргызстане очень высок: 78% опрошенных считают террористическую угрозу вполне реальной (см. рис. 25).

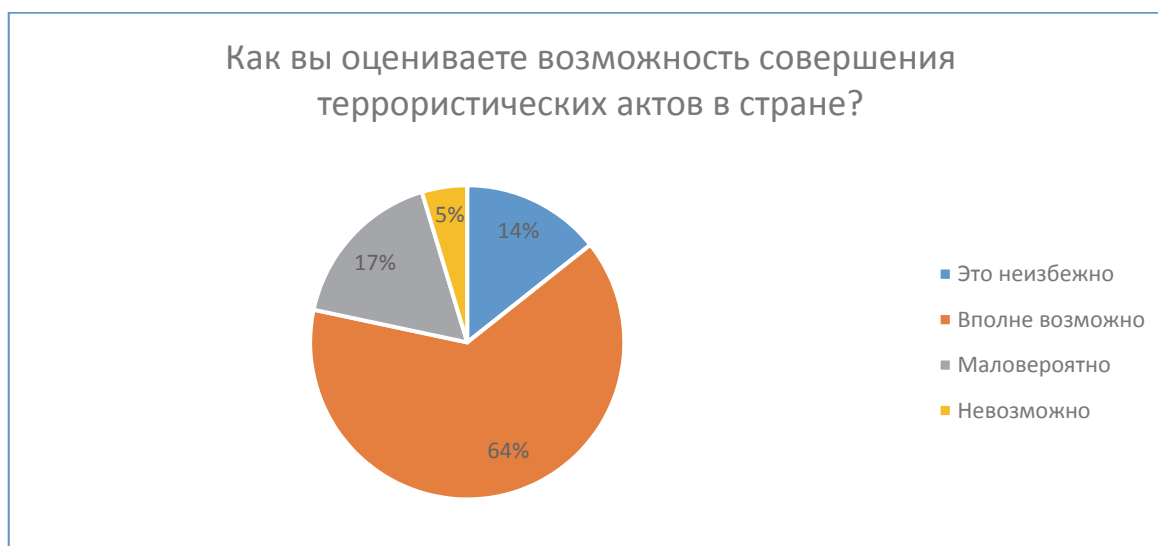

Рис. 25. Секьюритизация террористической угрозы в общественном дискурсе КР

Осведомленность о деятельности деструктивных организаций и ее восприятие

В то же время киргизская молодежь достаточно слабо осведомлена об экстремистских и террористических организациях, действующих в Центральной Азии: наиболее популярными ответами на вопрос: «О каких из нижеперечисленных террористических и экстремистских организаций Вы слышали?» становятся ДАИШ (69%), Аль-Каида (63,8%) и Туркестанский жамагат (48,5%), в то время как об Исламском движении Узбекистана слышали лишь 11% опрошенных.

Рис. 26. Информированность о террористических и экстремистских организациях (КР)

Среди ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, заставляет людей присоединяться к террористическим и экстремистским группировкам?» из всего массива опрошенных лидируют варианты (см. рис. 27):

- тяжелое материальное положение рекрутов (42,5% опрошенных);
- низкий уровень их образования (46% анкетированных);
- религиозный фанатизм (34,5% участников опроса);
- низкий уровень религиозной культуры и образования (31%);

- приток в страну проповедников религиозных движений, продвигающих радикальные идеи (25,5% опрошенных);
 - шантаж или обман со стороны религиозных организаций (24,9%);
- Менее популярными оказались версии о психических отклонениях людей, присоединяющихся к подобным организациям (15%), идеологическом вакууме (7%), дискриминации их по этническому признаку (4%).

Рис. 27. Причины вовлеченности в деструктивные группировки в общественном дискурсе Кыргызстана

51% респондентов при этом оценивают антитеррористическую деятельность власти скорее положительно, негативно относится к проводимой политике 35% представителей молодежи КР.

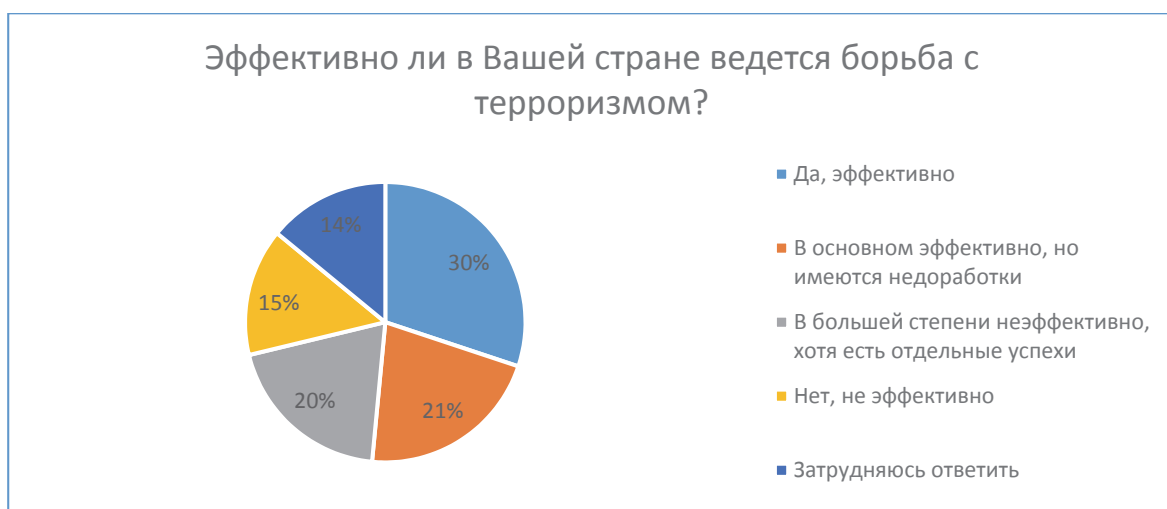

Рис. 28. Оценка антитеррористической деятельности государства (КР)

Согласно мнению опрошенной молодежи КР, для противодействия терроризму и экстремизму необходимы скорее мягкие, нежели жесткие инструменты: проведение разъяснительной работы (47,5%), формирование государственной идеологии (19%), повышение уровня жизни населения (19%).

Рис. 29. Варианты борьбы с терроризмом и экстремизмом в общественном дискурсе КР

В молодежном дискурсе в ходе опроса был выявлен ряд противоречий: так, при высокой степени недоверия к власти (подробнее см. Приложение 5), респонденты в своем большинстве готовы полагаться на нее в вопросах борьбы с терроризмом и экстремизмом.

2.6. Экспертный опрос и дискурсивные характеристики

По мнению опрошенных экспертов, региональная идентичность в ЦА не сформирована на таком уровне, чтобы о регионе можно было говорить как об исследуемой единице: для каждого государства здесь есть присущие только ему характеристики, набор вызовов и угроз. Высказывались мнения, что кризис идентичности связан, в первую очередь, с незавершенным процессом трансформации региональных политических систем. Соответственно, и региональным организациям в решении возникающих проблем отдается лишь ситуативная роль. Хотя в целом их значение в обеспечении региональной безопасности оценивается до-

статочно высоко, эксперты из Кыргызстана (67%) склонны больше рассчитывать на двусторонние отношения.

Угроза планируемых актов большинством экспертов оценивается как низкая (62%). Но при этом внимание акцентируется на опосредованных вызовах: вербовке (44%) и росте радикализма (65%). Интервьюируемые расходятся во мнениях относительно причин этих явлений: часть (37%) считает, что это издержки процесса исламизации общества, другие же придерживаются мнения о том, что корень проблемы нужно искать в социально-экономической сфере (32%).

Табл. 6. Радикализация в экспертном дискурсе КР

<p>Число верующих молодых людей, придерживающихся ислама, резко возросло. Государство должно будет принимать меры по развитию правильного ислама. Ни одна религия не может быть экстремистской по сути, так как проповедует моральные ценности, но в каждой религии есть течения радикального толка. Неофиты воспринимают религию слишком ярко, на этом могут сыграть вербовщики. Если государство будет регулировать эти отношения, будет правильно, иначе появится армия джихадистов.</p>	<p>Декларируется, что терроризм, экстремизм, радикализация присутствуют для всего постсоветского пространства. Официальная версия: что эти факторы – ключевые тенденции безопасности. Но я бы обратила внимание на внутренние проблемы, они – ключевые: социально-экономическое положение стран, безработица.</p>
---	---

Относительно деятельности организации «Таблиги Джамаат» в Кыргызстане у экспертов возникают разногласия. В первую очередь аргументы исследователей сводятся к сложностям в оценке понятий «насильственный экстремизм» и «радикализация», ведь прямых доказательств того, что эта запрещенная во всех остальных странах региона структура действительно совершает противоправные действия, вовлекая своих членов в террористические группировки. Однако некоторые (25%) эксперты все же склоняются к тому, что деятельность группировок «Таблиги Джамаат», «Хизб-ут-Тахрир» и подобных им организаций является «посреднической», готовя духовно своих последователей к восприятию радикальных идей.

Табл. 7. Таблиги Джамаат в экспертном дискурсе КР

«За»	«Против»
<p>Это мобильное движение, нет постоянных членов. Туда люди приходят – бывшие алкоголики, наркоманы, те, кто выпал из общества. Это социально уязвимые люди, страдающие болезнями. Это реабилитация людей. Религия выполняет терапевтическую функцию. Общалась с теми, кто ходит в даваат, – они аполитичны. Там запрещается обсуждение политики, только религии. Оцениваю ее деятельность положительно: дает людям надежду, реабилитирует их и в какой-то степени защищает от радикализма. Пропагандируется терпимость, осуждается агрессия. Несут только позитивные моменты в обществе.</p>	<p>Есть косвенный вред. Напрямую не занимаются экстремистской деятельностью. Неофиты попадают в руки радикалов и террористов. ТД как дырявое решето. Когда существует организованная структура, ею начинает кто-то пользоваться – внедряются разведки и др. Кролик – не убийца, но может переносить смертельный вирус.</p>

В дискурсе киргизских экспертов (в отличие от казахстанского) концепту «государство» не выделяется ключевая роль – это видно и на семантической карте по результатам контент-анализа (см. рис. 30). Актуализируются внутренние проблемы КР: экономические (78%), социальные (57%), политические (44%).

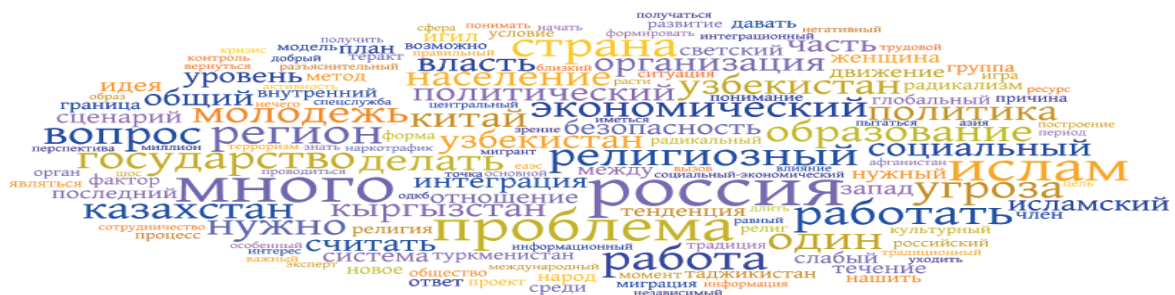

Рис. 30. Наиболее часто употребляемые слова и выражения в экспертном дискурсе КР

В отличие от казахстанских коллег, большинство экспертов из Кыргызстана видит ключ к решению проблем радикализации в применении «мягких» инструментов: развитие гражданского общества (77%), повышение

ние роли НПО (54%) и сообществ (42%) в религиозном образовании и противодействии маргинализации тех слоев населения, которые находятся в группе риска. Высказывается мнение, что ключевую роль в борьбе с экстремизмом должно занимать официальное духовенство.

Кроме того, подчеркивается важность корректного освещения событий и проблемы терроризма и экстремизма в масс-медиа (27%) – эксперты указывают на необходимость повышения профессионализма журналистов, готовящих материалы по этим темам. Приводились также примеры, когда сообщения СМИ с места событий мешали оперативной деятельности спецслужб Кыргызстана.

В экспертном дискурсе Кыргызстана проблема религиозного экстремизма актуализируется больше, чем террористическая угроза. При этом встречаются примеры агрессивной лексики в отношении нетрадиционных религиозных течений и их представителей, а также в адрес власти.

2.7. Кейс-стади: побег из СИЗО-50 и взрыв в посольстве КНР

В Кыргызстане за последние годы можно выделить два резонансных кейса, связанных с изучаемыми вопросами: побег из СИЗО обвиняемых в экстремизме в 2015 году и взрыв, совершенный смертником на территории китайского посольства в 2016 году.

12 октября 2015 года в Кыргызстане произошло ЧП: из исправительного учреждения сбежали 9 заключенных, члены запрещенной в стране организации «Жайшуль Махди», осужденные по статьям, связанным с террористическими и экстремистскими действиями (семеро из них приговорены к пожизненному заключению). Следующие десять дней прошли в поиске и захвате спецслужбами преступников; трое из них были ликвидированы в ходе задержания, еще трое умерли, как сказано в официальных отчетах, от острой сердечной недостаточности. После окончания спецоперации в живых остались трое сбежавших преступников, их сроки заключения были изменены на пожизненные [72]. Жертвами событий стали четверо сотрудников МВД и двое гражданских.

Президент КР А. Атамбаев не комментировал произошедшее, ограничившись приемом глав силовых ведомств, которые докладывали ему о ходе событий, а также подписанием документов об оказании помощи пострадавшим в ходе антитеррористической операции. Не давали развернутых комментариев и представители МВД и ГКНБ республики.

В информационном пространстве Кыргызстана наиболее активны в комментировании случившегося были представители Общественного национального совета Государственной службы исполнения наказаний (ГСИН) КР и правозащитники. Первые объяснили причины побега: отсутствие средств на обеспечение тюремной безопасности, ветхие здания, низкая зарплата и мотивация сотрудников СИЗО. Мотивацию к побегу у заключенных представитель ГСИН Ольга Юн оправдывает отсутствием у государства инструментов по возвращению радикалов в общество, что порождает «высокий процент рецидива» [73].

Лето 2016 года и в Кыргызстане было ознаменовано террористическим актом. 30 августа смертник, протаранив автомобилем ворота, совершил самоподрыв на территории китайского посольства в Бишкеке. В результате пострадали трое граждан КР.

Этот случай многие считают своего рода лакмусовой бумажкой для оценки национальной безопасности КР. Так, в докладе Международной кризисной группы сказано: «Подрыв смертником автомобиля со взрывчаткой на территории китайского посольства в Бишкеке 30 августа высветил уязвимости Кыргызстана в области безопасности» [74]. Многие киргизские эксперты разделяют это мнение.

Политолог Токтогул Какчекеев уверен, что проблема напрямую связана с государственным регулированием религиозной сферы: «Бывшие госдеятели, строящие мечети, покрывающие всех религиозных деятелей и поддерживающие религиозный бум, открыли ворота для таких действий в республике. Поэтому очень большой поток кыргызстанцев отправляется в Сирию, происходят всевозможные ЧП, активизируются боевики. Безалаберное отношение к религии привело к этому» [75]. Среди возможных организаторов и исполнителей теракта этот и другие эксперты называют уйгурских сепаратистов, ИГИЛ и Аль-Каиду.

Выражает опасения по поводу обеспечения дальнейшей стабильности и бывший глава ГКНБ КР Артур Медетбеков: «Сегодня, мне кажется, какая-то часть подпольных ячеек по команде совершила такой дерзкий теракт. Возможно, команда была со стороны руководства, которое присягало ИГИЛ. Это является звонком для Кыргызстана, что они еще могут показать себя и они в силе» [там же].

Военный эксперт Токон Мамытов выдвигает следующие тезисы: «Теракт нужно расценивать как удар по Китаю, Кыргызстану и непосредственно удар по Ферганской долине», Центральная Азия и, в частности, КР страдают от несвоевременной системы реагирования на теракты; некорректно обвинять нацию или религию в совершении насильственных действий, поскольку это «абсолютно безграмотно и безнадежно» [76].

В СМИ теракт освещался достаточно лаконично; журналисты старались не давать собственной оценки произошедшему. Однако последующая рефлексия сопровождается негативными этнически окрашенными сообщениями: широко обсуждается национальная принадлежность участников насильственных действий, а также место их проживания и прописки. То же видно и в официальных пресс-релизах ГКНБ, например «уроженец г. Ош, узбек, прошедший диверсионно-террористическую подготовку в Сирии» [77]. Это формирует дополнительную напряженность как межэтнического, так и межрегионального характера.

В отличие от Казахстана, в обоих случаях в Кыргызстане Президент КР А. Атамбаев не выступал публично для того, чтобы дать оценку произошедшим событиям. В официальном информационном поле в этот период преобладают сообщения о его закрытых встречах с представителями силовых структур. Это, с одной стороны, говорит о том, что повестка дня Кыргызстана не замкнута на президенте, но, с другой стороны, выдает и опасения властей в сложной ситуации.

Таким образом, два рассмотренных кейса демонстрируют дискурсивные характеристики разных групп Кыргызстана. Представители религиозных институтов достаточно слабо реагируют на происходящее в стране. Поскольку власти максимально абстрагируются от происходящего, стараясь не давать публичных комментариев, рефлексия в СМИ и экспертной среде доминирует в информационном пространстве страны. При этом и первые, и вторые допускают формирование негативного нарратива о представителях отдельных этносов и религиозных групп.

ГЛАВА 3. ДИСКУРС В КАЗАХСТАНЕ И КЫРГЫЗСТАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

3.1. Политическое измерение

Последние три года охарактеризовались ужесточением законодательства во всех без исключения странах региона. В Казахстане и Кыргызстане реформы коснулись мер наказания для граждан, участвующих в боевых действиях за границей и подготовке боевиков и экстремистов: уголовная ответственность будет включать лишение свободы сроком от 8 до 15 лет в Кыргызстане [78] и от 3 лет до пожизненного заключения и смертной казни в Казахстане [79].

Проблемами в законодательной базе представители государственных органов считают недостаток дефиниций. Так, ни в РК, ни в КР в законах о противодействии терроризму и религиозному экстремизму нет понятия «экстремизм». В РК экстремизмом называют «совершение экстремистских действий» или «совершение действий от имени организаций, признанных экстремистскими» [80], а в КР он тождествен экстремистской деятельности. Таким образом, границы применения подобных законов оказываются слишком размытыми и включают в себя очень широкий спектр правонарушений: от ведения полномасштабной террористической деятельности до гипотетической угрозы национальному достоинству и нравственности граждан.

Среди общих проблем для стран региона представителями силовых структур обеих республик отмечается также необходимость создания единого списка террористических и экстремистских организаций, потому что на данный момент в этом вопросе имеются существенные расхождения (см. табл. 8).

Табл. 8. Запрещенные в РК и КР террористические и религиозно-экстремистские организации

Название организации	Казахстан	Кыргызстан
	Дата решения суда	
Асбат аль-Ансар	2005	
Акромия		2014
Аль-Каида	2008	2006
Ансаруллох (Ансару Аллах)		2012
Ат-Такфир Валь-Хиджра (Ат-такфируаль-хиджра)	2014	2012
АУМ Синрике	2006	
Боз гурд	2005	
Джунд-аль-Халифат (Солдаты халифата)	2005	2012
Жайшуль Махди		2012
Жамаат моджахедов Центральной Азии (Группа исламский джихад)	2005	2008

Продолжение

ИГИЛ (Исламское государство, ДАИШ)	2015	2015
Исламская партия Туркестана, Жамагат Туркестана и Туркестанский жамагат	2008	2003
Исламское движение Восточного Туркестана, Исламская партия Восточного Туркестана, Партия Аллаха	2008	2003
Исламское движение Узбекистана	2008	2003
Курдский народный конгресс	2008	2008
Лашкар-и-Тайба	2005	
Организация освобождения Восточного Туркестана (ШАТ)	2006	2003
Сенім. Білім. Өмір (Вера. Знание. Жизнь)	2012	
Таблиги Джамаат и Общество социальных реформ	2013/2005	
Талибан	2005	2006
Хизб-ут-Тахрир-аль-Ислами (Исламская партия освобождения)	2005	2003
Братья-мусульмане	2005	
Фронт ан-Нусра		2015
Катибат аль-Имам Бухари		2015
Церковь объединения (церковь Муна)		2012
Жаннат Ошиклари (Поклонники рая)		2015
Агитационно-пропагандистские материалы и пропагандистская деятельность А. Тихомирова – Саида Бурятского		2014

Если в кыргызском политическом дискурсе проблемы терроризма и религиозного экстремизма в первую очередь являются внутренними, а необходимость многостороннего диалога и сотрудничества является опосредованной, то в Казахстане политики (особенно лично Н. Назарбаев) рассматривают эту проблему в мировом масштабе, признавая ключевую роль в ее решении за мировым сообществом, глобальными и региональными партнерами. При этом РК позиционируется как инициатор диалога, новатор и посредник в разрешении конфликтов.

3.2. Официальное духовенство

В отличие от казахстанского религиозного дискурса, в Кыргызстане отношение к такой организации, как «Таблиги Джамаат», более мягкое. Муфтий КР отмечает: «Такое сообщество у нас не зарегистрировано. В Кыргызстане нет организации «Таблиги Джамаат». «Даават» означает призыв, «таблиг» – доведение (в смысле доведение до населения информации об исламе, других знаний). Если они благожелательно и терпе-

ливо проповедуют ханафитский мазхаб, то нельзя воспринимать их как отдельную группу, изгонять из общества. Наоборот, призыв к намазу является такой же обязанностью мусульманина, как и совершение самого намаза. Даават – это призыв к тому, чтобы люди пресекали в себе и других греховные побуждения» [81].

При этом в среде официального мусульманского духовенства Казахстана и Кыргызстана доминируют общие паттерны: желание «защитить» традиционный для большей части общества ислам, с одной стороны, от деструктивных течений, а с другой – от светской части общества, которая «маргинализует» верующих. Кроме того, прослеживается стремление сохранить собственную монополию в этой сфере.

3.3. СМИ

Общим для дискурса масс-медиа является высокий уровень секьюритизации как террористической, так и экстремистской угрозы (причем практически в каждом рассмотренном материале СМИ встречаются оба этих термина, иногда взаимозаменяемые).

Одной из ключевых проблем является тиражирование непроверенной информации (чаще всего – из российских источников), которая впоследствии опровергается. Причем многие из данных, которые распространяют масс-медиа в двух исследуемых республиках, легко верифицируемы. Но в погоне за информационным поводом правдивость той или иной новости приносится в жертву сенсации, WOW-эффекту.

Примером этому может служить появившееся в СМИ РК и КР в середине января 2016 года со ссылкой на российскую газету «Известия» сообщение о том, что Казахстан, Кыргызстан и ряд других постсоветских государств будут внесены в список «особо опасных стран». Позже, когда оказалось, что это лишь законопроект одного из американских сенаторов, к тому же давно отклоненный верхней палатой парламента США, многие СМИ дополнили новость сообщением, что данная информация не актуальна (на значительной части информационных сайтов она, однако, осталась в первоизданном виде). Также в статьях, посвященных ДАИШ и скопированных из российских источников, журналисты не трудятся исправлять или удалять фразу-пояснение: «Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации» [82].

Для масс-медиа как Казахстана, так и Кыргызстана свойственно совсем небольшое количество журналистских расследований, аналитических материалов, основанных на глубоких исследованиях и интервью с различными людьми. Изученные сайты насыщены материалами о международных событиях, в то время как внутригосударственные новости отходят на второй план, в том числе и по количеству просмотров пользователями.

В киргизском дискурсе СМИ уровень языка вражды по этническому признаку гораздо выше, чем в РК. При этом масс-медиа обоих государств достаточно часто используют агрессивную лексику применительно к мусульманам, особенно тем, кто использует внешние отличительные атрибуты: хиджаб, борода и короткие штаны становятся признаками радикалов.

Итак, как казахстанские, так и киргизские масс-медиа в вопросах освещения терроризма и экстремизма достаточно часто нарушают этические границы. Существуют определенные проблемы с объективностью; часто используются негативные клише и стереотипы.

3.4. Общественное восприятие

Проведенное социологическое исследование позволило выявить ключевые проблемы, волнующие студенческую молодежь Казахстана и Кыргызстана. На первый план в их мироощущении выходят вопросы коррупции и отсутствия доступа к управлению государством у рядовых граждан.

В ходе исследования выявлено, что в повестке безопасности у молодежи на первом месте стоит не боязнь террористических актов или распространения религиозного экстремизма, а насущные вопросы, особо обостряющиеся в условиях экономического кризиса: низкий уровень доходов, опасение за свое будущее и перспективы. Пессимизм по поводу доступа к управлению государством, достаточно низкий уровень доверия к государственным и общественным институтам является тревожным сигналом для госуправления. Как показывает практика, именно в нестабильной среде создается угроза маргинализации молодежи, с последующим риском вовлечения ее в деструктивные течения, в том числе и религиозного характера.

Конфликтный потенциал находится на среднем уровне. Несмотря на то, что в случае нарушения определенных прав и свобод в акциях протеста готовы участвовать десять процентов опрошенных, степень накала в обществе не позволяет прогнозировать готовность участия граждан в каких-либо вооруженных действиях. Негативным фактором является индифферентность каждого пятого респондента: весомая часть общества уклоняется от активного участия в общественной жизни и, скорее всего, не предпримет активных действий в отстаивании своих прав. Также гражданскую пассивность студенческая часть общества проявляет, отказываясь принимать участие в выборах.

Уровень религиозности в рассматриваемых странах достаточно высок. Однако процент тех, кто связывает свою идентичность с какой-либо религией, кто главным фактором считает следование религиозным канонам, сравнительно низок – такие респонденты составляют лишь пятую часть среди верующих Казахстана и шестую – Кыргызстана. Подавляющее большинство из относящих себя к верующим, получили религиозные знания путем приобщения к семейным традициям. Респонденты демонстрируют низкий уровень стремления к интеграции в группы по религиозным или национальным признакам, и лишь малая часть готова принимать участие в открытом конфликте на религиозной почве.

Примечательно, что в Кыргызстане уровень осведомленности о таких организациях, как Исламская партия Туркестана (48,5%), «Хизб-ут-Тахрир» (43,2%), «Жайшуль Махди» (19,6%), на порядок выше, чем в Казахстане, где о них слышали 30,1%, 23,8%, 3,1% соответственно. В Казахстане большее число опрошенных знают о таких организациях, как

«Солдаты халифата» (15,3%), Движение «Салафия» (16,3%), «Таблиги Джамаат» (11,8%) и «Сенім. Білім. Өмір» (9,3%).

Тот факт, что среди организаций, известных молодежи, оказались именно ДАИШ, «Аль-Каида» и «Талибан», косвенно свидетельствует о слабой осведомленности о внутренних делах государства, принадлежности к информационному полю других государств (как показывают опросы, большая часть молодежи находится в российском информационном пространстве: смотрит телевидение РФ, использует для общения в социальных сетях и получения необходимой информации). Так, лишь каждый десятый кыргызстанец слышал об организации «Таблиги Джамаат», активно действующей в республике.

Вышесказанное подтверждается и динамикой поисковых запросов по теме ДАИШ, приведенных в исследовании. Самые популярные сочетания, используемые в запросах в трех наиболее популярных среди представителей обоих государств поисковиках (Google, Яндекс, Поиск Mail.ru), – это «ИГИЛ новости», «казни ИГИЛ (без цензуры)» и «ИГИЛ сегодня».

Интересен тот факт, что пиковые значения по данному запросу приходятся на октябрь – ноябрь 2015 года (см. табл. 9). В этот же период резко (в 2–3 раза) возрастает популярность таких запросов, как: «терроризм», «террористы» и т.д. Представляется, что такая высокая активность была проявлена пользователями рассмотренных поисковиков как реакция на информационную кампанию масс-медиа РФ по освещению операции в Сирии.

Табл. 9. Количество поисковых запросов «ИГИЛ» в Казахстане и Кыргызстане

	Октябрь 2015 г.		Ноябрь 2015 г.	
	Яндекс	Google	Яндекс	Google
Казахстан	23 734	178	31 059	270
Кыргызстан	1256	231	1728	353

При достаточно низком уровне доверия к вооруженным силам и армии, большинство респондентов положительно оценили антитеррористическую деятельность своих стран. При этом из приемлемых способов по предотвращению деятельности террористических и экстремистских организаций большинство отмечает необходимость использовать контрольно-запретительные меры, что говорит о консерватизме молодежи в вопросах безопасности.

3.5. Экспертная оценка

Среди трендов в области безопасности, господствующих в региональной повестке дня в последние два года, эксперты назвали:

- низкую легитимность властей центральноазиатских республик и размытую внутреннюю структуру государства (27%);
- традиционные для региона наркотрафик и вопросы, связанные с религиозным экстремизмом (57%);

- усиление зависимости от внешнего контекста: кейс Украины и противостояние России и Запада (32%);
- создание угрозы ДАИШ (ИГИЛ) на двух уровнях: информационном и реальном (78%);
- борьба великих держав, преобладание китайского фактора (22%);
- комплекс внутренних проблем, включая социальное расслоение и безработицу, особенно среди молодежи (62%);
- наличие внутреннего протестного потенциала, который может быть использован для внешнего воздействия (12%).

Проблема сотрудничества в сфере противодействия терроризму и экстремизму на уровне международных организаций и даже на двусторонней основе заключается, по мнению экспертов, в непрозрачности как политических систем стран региона, так и конкретно деятельности правоохранительных органов и судебной системы. Отмечается также проблема кризиса доверия (32% опрошенных) между властями государств региона, разнонаправленность их политических векторов (48%).

В обоих государствах на всех уровнях дискурса актуализируется вопрос возможной политизации ислама. Хотя на данном этапе, по мнению экспертов, общество не готово к отказу от светских нарративов, в Центральной Азии уже был прецедент, когда религиозная политическая сила легитимно действовала в системе власти. По мнению А. Князева, Партия исламского возрождения Таджикистана была «гениальным инструментом» по сдерживанию радикализации. При этом события осени 2015 года показали, что власти центральноазиатских республик не готовы позволить автономно развиваться такой пассионарной силе, как ислам, имеющей ресурсы, чтобы объединить значительное количество людей [83].

Эксперты указывают на неравнозначный характер ответственности возвращенцев в странах региона. Наименее либерально в этом отношении законодательство Казахстана и Узбекистана. Хотя в последнем закреплена норма о том, что в случае добровольной сдачи ранее не судимые граждане могут быть освобождены от уголовной ответственности, подобных прецедентов еще не было. Ни в одном из государств региона нет программ по реабилитации вернувшихся из горячих точек, содержание в местах лишения свободы только усугубляет, по мнению респондентов, существующий разрыв с обществом.

Казахстанский исследователь М. Лаумулин по этому поводу пишет: «Лицам во властных структурах региона необходимо осознать, что представители исламских радикальных течений – это чаще всего их сограждане, и вместо применения к ним жестких мер (нередко включающих физическое уничтожение) следовало бы попытаться вернуть этих остывших людей в правовое русло с дальнейшей интеграцией в общество. Для этого необходимо проводить профилактическую работу, вести дискуссии о религии и формах вероисповедальной практики, а также активно обсуждать наиболее актуальные проблемы развития государств региона» [84].

По единогласному мнению опрошенных религиоведов, традиционный для центральноазиатских народов ислам ханафитского мазха-

ба сам по себе имеет «иммунитет» против радикальных течений. Для профилактики вступления граждан государств ЦА в экстремистские и террористические группировки необходимо, по мнению экспертов, в первую очередь развивать религиозное образование, ведь люди, имеющие достаточно глубокие знания об исламе, гораздо в меньшей степени подвержены угрозе вербовки.

При этом эксперты солидарны в том, что определенного портрета религиозного экстремиста дать нельзя: под влиянием может оказаться любой человек. Но для радикализации нужны соответствующие условия. Узбекский политолог Г. Юлдашева отмечает: «...существует теория социальной отчужденности и вовлеченности. Население, которому мы не создали необходимые условия для социальной активности, – это женщины, жители населенных пунктов, более удаленных от крупных городов, и т.д., будет лишено возможности более активно участвовать в социальной жизни. Отчуждение может идти по географическому, территориальному, культурному, по религиозному признаку» [85].

Одной из движущих сил такого раскола может стать и традиционный конфликт «отцов и детей». Марта Б. Олкотт пишет: «Люди, выросшие и получившие образование в советский период, гораздо более склонны считать, что их правительства должны быть светскими и патерналистскими для того, чтобы защитить общество от проникновения в него «экстремистских» ценностей и сил. Молодые люди часто не разделяют этих мнений: некоторые из них... желают патерналистское правительство, которое бы продвигало интересы ислама» [86]. Описываются ситуации, когда сын обвинял мать в такфире (неверии) и даже отказывался есть пищу, приготовленную ею [87].

Комментируя апелляцию подобных организаций к священным текстам, исламовед Б. Бабаджанов высказал свой тезис о необходимости запретить переводить священные тексты на языки центральноазиатских народов или, по крайней мере, ограничить распространение такой литературы: ведь для понимания сакральных текстов необходимы базовые знания об исламе как о системе культурных ценностей: «Знание в исламе иерархично. Только на 6–7 год учебы давали Коран и хадисы, когда [ученики] освоили арабский, правоведение, поэзию, когда поняли ислам как культуру. Есть хадисы о дележе добычи во время джихада. Коран – агрессивнейший текст, ему нужна тысяча цензур. Сама исламская традиция этого требует» [88].

По мнению М. Олкотт, достаточно консервативная система контроля религиозной сферы в государствах региона – существование подконтрольного власти духовного управления мусульман и соответствующих органов в составе правительства – обусловлена тем фактом, что везде, кроме Казахстана, ислам является одним из важнейших элементов национальной идентичности.

Специалист по исламу А. Султангалиева утверждает, что «в Казахстане (как и в других постсоветских республиках) возврат к исламу принял неофитскую форму. Не удивительно, что со свойственной неофитам энергией заимствуются внешние символы религиозности, порицаются как не соответствующие «истинному исламу» казахская народная му-

зыка, паломничества к «святым местам»). <...> Для «новых мусульман» принадлежность к глобальной мусульманской общине выше, чем принадлежность к определенной группе» [89]. В то же время религиоведы отмечают, что на данном этапе ислам в Центральной Азии не достиг стадии политизации, и ситуация параллельного существования религиозного и светского в странах региона может просуществовать еще десятилетия.

В целом киргизскому дискурсу свойственен более высокий уровень исламофобии на всех уровнях, в то время как казахстанский отличает патернализм: антитеррористическая и антиэкстремистская деятельность признается проблемой не общества, но власти.

Общими являются проблемы дефиниций. Так, часто радикализация становится синонимом роста религиозности: в качестве опосредованных ее индикаторов называются увеличение количества мечетей и ха-лал-заведений общественного питания, возрастание процента людей, отказывающихся от определенных медицинских услуг по религиозным причинам. Поэтому как в экспертной среде, так и представителями власти в поддержку аргумента о повышении радикализации в обществе высказываются практически ничем не подкрепленные убеждения, основанные на собственной субъективной оценке («на улицах стало больше девушек в хиджабах и молодых людей с бородой») и т.д.).

В то время как в официальном дискурсе для противодействия угрозам терроризма и религиозного экстремизма главную роль играют инструменты коллективной безопасности – деятельность в рамках региональных объединений, ставящих одной из своих целей борьбу с вышеуказанными явлениями, экспертное сообщество практически единогласно утверждает, что терроризм – проблема внутреннего характера, которую возможно решать только собственными силами. Исключением здесь может стать лишь информационный обмен и сотрудничество на уровне спецслужб.

В экспертном сообществе Казахстана гораздо чаще и аргументированнее говорится о необходимости доминирования государства в антитеррористической и антиэкстремистской деятельности, чем в Кыргызстане. Специалисты из КР главный упор делают на роль гражданского общества, образование, религиозное просвещение как основные инструменты противодействия радикальным течениям в сочетании с либеральной религиозной политикой.

Однако есть и характеристики проблемы, где сходятся и казахстанские, и кыргызстанские эксперты, – слабость государств: недостаточный уровень поддержки институтов власти со стороны населения, отсутствие пассионарной идентичности, нежелание населения принимать участие в общественно-политической жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблемы терроризма и экстремизма на сегодняшний день стали частью дискурсивной реальности во всем мире. Вопросам, связанным с ними, посвящается все больше времени в телеэфирах, речах мировых лидеров и даже в бытовом общении – это общемировая тенденция.

Проведенное исследование показало, что, в отсутствие непосредственной террористической активности, в казахстанском и кыргызстанском дискурсе, как на уровне власти, так и общества, растет уровень секьюритизации терроризма и религиозного экстремизма.

За последние пять лет и в Казахстане, и в Кыргызстане были приняты пакеты законов, регулирующие религиозную политику и антитеррористическую, антиэкстремистскую деятельность государства. Экстремизм и терроризм все чаще упоминаются в выступлениях высших лиц государства, представителей духовенства, причем обе эти категории видят решение проблемы в первую очередь в ужесточении проводимой политики, нулевой терпимости к террористам и экстремистам, которые признаются угрозой существующей власти и всему народу.

Поскольку борьба с международным терроризмом, а теперь и с религиозным экстремизмом прочно вошла в официальный и общественный дискурс, имеет место неправильная интерпретация властью актов экстремизма как террористических, и, следовательно, затрагивающих напрямую национальную безопасность. При этом зачастую на задний план отходят вопросы соблюдения прав и свобод человека и гражданина, создаются условия для расширения полномочий силовых структур, ужесточения законодательства.

Излишний уровень секьюритизации вышеуказанных проблем может быть опасен как для власти, упускающей из поля зрения непосредственные причины этих процессов, так и для общества, поскольку делает насильственный экстремизм и терроризм «обычным» вариантом решения социально-экономических проблем, выяснения отношений с властью.

Проблема, выявленная в ходе исследования – отождествление исламизации с радикализацией и даже с терроризмом на всех уровнях дискурса – может быть решена только с помощью законодательного закрепления терминов «экстремизм» и «терроризм», повышением профессионализма журналистов, освещающих эти деликатные темы, а также грамотности населения в данных вопросах.

В то время как официальные власти Казахстана и Кыргызстана проводят политику ужесточения религиозной сферы, вводя все новые запреты на деятельность религиозных организаций, продолжает расти протестность в молодежной среде, которая является одной из самых идеологически и психологически уязвимых групп в обществе. Опрос показывает, что реальные проблемы этой категории населения лежат в другой плоскости и включают в себя недоверие к институтам власти, политическую маргинализацию, экономические трудности и отсутствие жизненных перспектив.

Сегодня, когда Центральной Азии, по мнению экспертов, не грозит непосредственно осуществление террористических атак, главными за-

дачами вышеназванных государств должно быть создание благоприятных социально-экономических условий для молодежи и других уязвимых категорий населения, поиск современной и пассионарной национальной (или даже региональной) идеи, формирование и поддержка институтов гражданского общества и развитие сообществ, которые имеют собственный иммунитет к деструктивным течениям.

Представляется необходимым расширять знания молодежи по религиозным вопросам, а также создавать условия для либерализации общественной жизни, облегчения доступа к социальным лифтам. Повышение вовлеченности в повестку дня своей страны, интереса к происходящим здесь и сейчас процессам также способствовало бы улучшению ситуации. Желание уехать воевать в другую страну – индикатор кризиса гражданской идентичности, выдает разочарованность человека в собственном государстве и обществе. Невозможность повлиять на принимаемые решения, участвовать в общественной и политической жизни становится новым стимулом для вовлечения в организации, просто и понятно декларирующие свои цели и ценности.

На межгосударственном уровне следует сосредоточиться, в первую очередь, на повышении взаимного доверия и выработке общей стратегии антитеррористической борьбы, унификации определений терроризма и экстремизма и мер противодействия им.

Кроме того, очевиден факт, что государства региона нуждаются в проведении масштабных политических реформ для расширения свободы светской оппозиции и либерализации политики в отношении религиозных институтов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Водовозов В.В. Радикализм и радикальная партия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. Т. XXVI. С. 73–75.
2. Социальная и идеологическая сущность религиозного экстремизма / Под ред. Э.Г. Филимонова. М.: Знание, 1983. 63 с.
3. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 14.06.2001. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3405>.
4. Резолюция 1344 (2003) Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе. URL: http://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/%5Brussian_documents%5D/%5B2003%5D/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20Rus.asp.
5. Институт экономики и мира: Рейтинг стран мира по уровню терроризма 2015 года / Центр гуманитарных технологий. 18.11.2015. URL: <http://gtmarket.ru/news/2015/11/18/7263>.
6. По данным *Global terrorism database*. URL: <http://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?expanded=no&search=central+asia&ob=GTDID&od=desc&page=1&count=100#results-table>.
7. Buzan B., Waever O. Regions and Powers. The Structure of International Security. New York: Cambridge University Press, 2003. 570 p. (P. 5).
8. Шариф К.Л. Ислам против терроризма. URL: <http://din.aktobe.gov.kz/ru/node/11767>; Дакенов М., Мирхамитов М. Религиозные аспекты экстремизма и терроризма в Казахстане / Вестник КазНПУ. Алматы, 2013. URL: <http://articlekz.com/article/11154>.
9. Кононенко О. В Астане втрое увеличилось число последователей религиозного радикализма // Панорама. URL: <http://www.panoramakz.com/index.php/society/right/item/37889>.
10. Сирия зовет: радикализация в Центральной Азии. Брифинг Кризисной группы по Европе и Центральной Азии N 72, 20 января 2015 года. С. 4.
11. Интервью с Н.С. Эсенамановой (записано 27.11.2015 автором).
13. Fairclough N., Wodak R. Critical Discourse Analysis: An Overview // Discourse and Interaction / Dijk T. van (ed.). L.: Sage, 1997. Pp. 67–97.
14. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. Для студентов, магистрантов и аспирантов (докторантов). М.: 2006. URL: <http://homepages.tversu.ru/%7Eips/Pragma.html>.
15. Нугманова К.Ж. Глобальное сотрудничество в вопросах национальной безопасности. URL: <http://group-global.org/ru/publication/30009-globalnoe-sotrudnichestvo-v-voprosah-nacionalnoy-bezopasnosti>.
16. Сатпаев Д. Радикалы ждут свой час «X». URL: <http://e-islam.kz/ru/interview/item/9268-dosym-satpaev-radikaly-zhdut-svoj-chas-x>.
17. Джон Хизершоу, Дэвид Монтгомери: Почему жители Центральной Азии вступают в ИГИЛ? URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=8630>.
18. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 30 ноября 2015 года. URL: <http://www.akorda.kz/ru/addresses/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-30-noyabrya-2015-g>.

19. Выступление Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева на Общих дебатах 70-й сессии Генассамблеи ООН // Официальный сайт Президента РК. 29.09.2015. URL: <http://www.akorda.kz>.
20. Цит. по: Кирбетов Т. Международный экстремизм: перчатка брошена // Время, 30.06.2015 года.
21. В Киргизии ужесточили уголовную ответственность за наемничество / ИА INTERFAX.RU. 28.07.2015 года; Уголовный кодекс РК. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#sub_id=1720000.
22. Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 года N31-III «О противодействии экстремизму». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30004865.
23. Указ Президента Республики Казахстан от 24 сентября 2013 года N 648 «О Государственной программе по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013–2017 годы». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000648>.
24. Лама Шариф К., экс-председатель Агентства РК по делам религий. Цит. по: Агентство по делам религий работает над защитой свобод и предотвращением экстремизма. URL: <http://e-history.kz/ru/contents/view/1719>.
25. Абдуманатов З. Профилактика религиозного экстремизма среди молодежи. URL: <http://www.nomad.su/?a=3-201407020018>.
26. Глава КНБ: Террористы начали массово вербовать казахстанцев // Интернет-портал Нур. 29.06.2015. URL: <https://www.nur.kz/803131-glava-knb-terroristy-nachali-massovo-v.html>.
27. Репортеры без границ: Всемирный индекс свободы прессы 2014–2015. URL: <http://gtmarket.ru/news/2015/02/12/7090>.
28. Калеева Т. Политкорректность в СМИ Казахстана: поиск гармонии: Сборник статей. Алматы: Фонд «Адил соз», 2007. С. 6.
29. Интернет-портал Нур. URL: <http://nur.kz>.
30. Информационное агентство Zakon.kz. URL: <http://zakon.kz>.
31. Интернет-издание Tengrinews. URL: <http://tengrinews.kz>.
32. Радио Азаттык. URL: <http://azattyq.org>.
33. Интернет-журнал Власть. URL: <http://vlast.kz>.
34. Казахстанский рейтинг. Сервис интернет-статистики. URL: <http://zero.kz>.
35. Google Trends: динамика популярности запросов «экстремизм» и «терроризм» в Казахстане. URL: <https://www.google.ru/trends/explore#q=экстремизм%2C%20терроризм&geo=KZ&date=1%2F2014%2025m&cmp=q&tz=Etc%2FGMT-6>.
36. Статистика поисковых запросов к сервису Поиск Mail.Ru. URL: <http://webmaster.mail.ru/querystat>.
37. Исламское движение Узбекистана заявило о присоединении к ИГ. URL: <http://russian.rt.com/article/53062>.
38. Карин Е. Солдаты Халифата: мифы и реальность / Ерлан Карин. Алматы, 2014. С. 96.
39. Теракт в Актобе: Хронология 5 и 6 июня // Tengrinews. 06.06.2016. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/terakt-v-aktobe-hronologiya-5-i-6-iyunya-295954.

40. Аким Актюбинской области обратился к населению // Nur.kz. 06.06.2016. URL: <https://www.nur.kz/1150300-akim-aktyubinskoj-oblasti-obratilsya-k.html>.

41. Теракт в Актобе организован по инструкциям из-за рубежа – Назарбаев // ИнформБюро. 08.06.2016. URL: <https://informburo.kz/novosti/terakt-v-aktobe-organizovan-po-instrukciyam-iz-za-rubezha-nazarbaev-.html>.

42. МИД Казахстана: теракт в Актобе произошел по призыву религиозного лидера аль-Аднани // ИА ТАСС. 20.06.16. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3383907>.

43. Уголовные дела по теракту в Актобе ведут КНБ и Генпрокуратура – глава МВД // Казахстанская правда. 14.06.2016. URL: <http://www.kazpravda.kz/news/obshchestvo/ugolovnie-dela-po-teraktu-v-aktobe-vedut-knb-i-genprokuratura--glava-mvd>.

44. КНБ: Задержаны и нейтрализованы все участники теракта к Актобе, у них изъято все оружие // Экспресс-К. 14.06.2016. URL: http://www.express-k.kz/news/?ELEMENT_ID=75845.

45. В ДУМК призывают не связывать теракты в Актобе с религией // Tengrinews. 06.06.2016. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/dumk-prizyvayut-svyazyivat-teraktyi-aktobe-religiyey-295942.

46. В какие одежды рядится религиозный экстремизм? // Central Asia Monitor. 05.08.2016. URL: <https://camonitor.kz/24733-v-kakie-odezhdy-ryaditsya-religioznyy-ekstremizm.html>.

47. Ерлан Карин, эксперт по терроризму: События в Актобе могут быть результатом действий одной из «спящих» радикальных ячеек // Власть. 05.06.2016. URL: <https://vlast.kz/politika/17588-erlan-karin-ekspert-po-terrorizmu-sobytia-v-aktobe-mogli-byt-rezultatом-dejstvij-odnoj-iz-spasih-radikalnyh-aceek.html>.

48. Алибек Киманов: В Актобе произошло то, что назревало уже два года // zakon.kz. 10.06.2016. URL: <http://www.zakon.kz/4798891-alibek-kimanov-v-aktobe-proizoshlo-to.html>.

49. Глава МВД представил поминутную хронологию теракта в Алматы // Капитал. 19.07.2016. URL: <https://kapital.kz/gosudarstvo/52123/glava-mvd-predstavil-pominutnyu-hronologiyu-terakta-v-almaty.html>.

50. Сатпаев Д. Власть опять проиграла информационную войну со слухами // Forbes. 19.07.2016. http://forbes.kz/process/expertise/vlast_opyat_proigrala_informatsionnyu_voynu_so_sluhami.

51. Интервью А. Решетняк. 11.11.2016.

52. «Алматинский стрелок» сказал последнее слово в суде // Sputnik news. 27.10.2016. URL: <http://ru.sputniknews.kz/society/20161027/900737/kulekbaev-ya-primu-lyuboe-nakazanie.html>.

53. Путь в салафиты: подозреваемый в терроризме нашел проповеди в сети «ВКонтакте» // Караван. 20.07.2016. URL: <http://www.caravan.kz/news/put-v-salafity-podozrevaemyj-v-terrorizme-nashel-propovedi-v-seti-vkontakte-379793>.

54. Алмазбек Атамбаев выступил с речью по случаю Дня независимости Кыргызстана. URL: http://zanoza.kg/doc/323955_almazbek_atambaev_vystypil_s_rechu_po_slychau_dnia_nezavisimosti_kyrgyzstana.html.

55. Президент Алмазбек Атамбаев встретился с участниками I Международного симпозиума «Экстремизм и такфиризм как угроза современному обществу». URL: http://www.president.kg/ru/news/5711_prezident_almazbek_atambaev_vstretilsya_s_uchastnikami_I_mejdunarodnogo_simpoziuma_ekstremizm_i_takfirizm_kak_ugroza_sovremennomu_obschestvu.

56. Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики. URL: http://www.vesti.kg/?id=13270&option=com_k2&view=item#ixzz46FXkLF4s.

57. *Максат Токтомушев*: В муфтияте работают не одни ангелы. URL: http://www.gezitter.org/society/27607_maksat_toktomushev_v_muftiyate_rabotayut_ne_odni_angelyi.

58. *Джихад – не меч для кровопролития*. Муфтий М. Токтомушев о кыргызстанцах, отправляющихся в Сирию. 23.12.2014. URL: <http://www.turmush.kg/ru/news:100523>.

59. *Исабеков М.* Сможет ли Кыргызстан противостоять религиозному экстремизму? // *Эркин тоо*. N 11 от 10.02.2015. С. 9.

60. Цит. по: *Алимжанов С.* Размышления о радикализации и экстремизме в Кыргызстане: понимание восприятий и рассмотрение ответов. 04.01.2016. URL: <http://caa-network.org/archives/6449>.

61. *Куренев Г.* В чем причина массовой радикализации граждан Центральной Азии? 08.12.2015. URL: http://www.vb.kg/doc/330523_v_chem_prichina_massovoy_radikalizacii_grajdan_centralnoy_azii.html.

62. Цит. по: *Федотов М.А.* Правовые основы журналистики. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2002. С. 288.

63. Цит. по: Доклад «Исламофобия и язык вражды в СМИ и Интернете КР» был представлен на форуме в Бишкеке. URL: <http://www.camediators.net/ru/209-doklad-islamofobiya-i-yazyk-vrazhdy-v-smi-i-internete-kr-by-l-predstavlen-na-forume-v-bishkeke.html>.

64. Top Sites in Kyrgyzstan. URL: <http://www.alexa.com/topsites/countries/KG>.

65. Вечерний Бишкек. URL: <http://www.vb.kg>.

66. Информационное агентство K-News. URL: <http://knews.kg>.

67. Информационное агентство 24.kg. URL: <http://24.kg>.

68. Новостное агентство Sputnik. URL: <http://sputnik.kg>.

69. Аналитический ресурс для политиков *Vesti*. URL: <http://www.vesti.kg>.

70. *Громский П.* Что общего у оппозиции и террористов? 17.02.2015. URL: http://www.vesti.kg/index.php?option=com_k2&view=item&id=32539&Itemid=125.

71. *Ганыева Н.* Религия.kg: Исламский терроризм, или Политические игры. URL: http://24.kg/obschestvo/7741_religiyakg_islamskiy_terrorizm_ili_politicheskie_igryi.

72. Бежавшие из СИЗО-50 получили пожизненные сроки // *Спутник*. 29.06.2016. URL: <http://ru.sputnik.kg/society/20160629/1027147879.html>.

73. Член ОНС ГСИН *Ольга Юн*: Инцидент в СИЗО-50 – закономерность // *Вечерний Бишкек*. 13.10.15. URL: http://www.vb.kg/doc/326420_chlen_ons_gsin_olga_un_incident_v_sizo_50_zakonomernost.html.

74. Kyrgyzstan: State Fragility and Radicalisation – International Crisis Group – Briefing 83 // Europe & Central Asia. 03.10.2016. URL: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/kyrgyzstan/picturing-islam-kyrgyzstan>.

75. Очевидец ЧП в китайском посольстве в Бишкеке: Взрыв был такой силы, что фрагменты тела человека разбросало в радиусе 300 метров // Комсомольская правда. 30.08.2016. URL: <http://www.kp.kg/daily/26574/3590316>.

76. Теракт в посольстве Китая: кто и зачем организовал взрыв? // Вечерний Бишкек. 30.08.2016. URL: http://www.vb.kg/doc/346048_terakt_v_posolstve_kitaiia:_kto_i_zachem_organizoval_vzryv.html.

77. ГКНБ: Установлены организаторы и исполнители взрыва в посольстве Китая в Бишкеке // НИСИ. URL: <http://www.nisi.kg/110-novosti-kyrgyzstana-na-glavnuyu/158-gknb-ustanovleny-organizatory-i-ispolniteli-vzryva-v-posolstve-kitaya-v-bishkeke.html>.

78. В Киргизии ужесточили уголовную ответственность за наемничество // ИА INTERFAX.RU. 28 июля 2015 года.

79. Уголовный кодекс РК. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#sub_id=1720000.

80. Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 года N 31-III «О противодействии экстремизму». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30004865.

81. Джумакадыров С. В КР предлагают запретить деятельность «Таблиги джамаат». 26.11.2015. URL: <http://rus.azattyk.org/content/article/26389035.html>.

82. Как Россия намерена бороться с ИГ еще и в Средней Азии. 21.10.2015. URL: http://www.vb.kg/doc/326984_kak_rossiia_namerena_borotsia_s_ig_eshe_i_v_sredney_azii.html.

83. Интервью А. Решетняк. Алматы. 20.11.2015.

84. Лаумулин М. Религиозная ситуация и угроза религиозного экстремизма в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2012. N 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-situatsiya-i-ugroza-religioznogo-ekstremizma-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 16.02.2016).

85. Интервью А. Решетняк. Ташкент. 18.12.2015.

86. Марта Б. Олкотт. Религия, политика и безопасность в Центральной Азии. С. 2.

87. Интервью А. Решетняк с Т. Козыревым. Астана. 06.02.2016.

88. Интервью А. Решетняк. Ташкент. 17.12. 2015.

89. Султангалиева А. Религиозная идентичность и национальная интеграция в Казахстане: Национальная консолидация Казахстана: проблемы и перспективы: Сборник материалов круглого стола. (г. Алматы, 28 марта 2013 г.) / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. Алматы: ИФПир КН МОН РК. С. 33–40 (С. 38).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ГАЙД ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА «ТЕРРОРИЗМ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»

Блок 1. Контуры региональной безопасности: проблемы и перспективы

1. Какие тренды в области безопасности целесообразно выделить для региона ЦА?
2. Какое место, на Ваш взгляд, в центральноазиатской повестке безопасности занимают терроризм и религиозный экстремизм?
3. Контуры безопасности в Центральной Азии. Насколько региональные организации отвечают современным вызовам в плане борьбы с терроризмом и религиозным экстремизмом?
4. Внешние игроки. Как и кем проявляется воздействие на структуру безопасности региона? Риски и преимущества.

Блок 2. Терроризм

1. Насколько реальна на данный момент угроза терактов в регионе, кем будет проявляться активность?
2. Уровень секьюритизации вопроса в официальном дискурсе: степень адекватности вызовам.
3. ДАИШ на данном этапе – лишь инструмент, используемый властью для манипуляции собственным населением и заигрывания с державами, чьи интересы представлены в регионе, или реальная угроза?
4. Насколько существенна, на Ваш взгляд, проблема возвращенцев?

Блок 3. Религиозный экстремизм

1. Религиозные вопросы в государствах ЦА. Насколько возможно регулирование религиозных вопросов светской властью?
2. Как Вы оцениваете религиозную политику стран региона?
3. Как Вы относитесь к деятельности таких групп, как, например, «Таблиги Джамаат» в Кыргызстане?
4. Радикализация населения. Каковы ключевые факторы? Какие инструменты может использовать государство для противодействия этому процессу?
5. Какова, на Ваш взгляд, идеальная модель взаимоотношений «государство – религиозные институты – верующие»?
6. Как Вы оцениваете деятельность ДУМК и аналогичных ему организаций в других государствах региона? В чем причины непопулярности подобных официальных органов?

Блок 4. Информационная безопасность

1. Тактика антитеррористической борьбы. Дилемма предоставления информации.
2. Блокирование соцсетей и цензура в СМИ: эффективность. Ужесточение законодательства.
3. Восприятие ДАИШ населением.
4. Какие Вы видите контрнарративы ДАИШ? Светское государство? Умеренный ислам?
5. Насколько серьезную угрозу, по-Вашему, создает отсутствие полноценного суверенного информационного пространства в странах ЦА?

**ПРИЛОЖЕНИЕ 2. СПИСОК ЭКСПЕРТОВ,
ПРИНЯВШИХ УЧАСТИЕ В ЭКСПЕРТНОМ ОПРОСЕ**

Казахстан	
Алматбаева Ж.	Эксперт АГ «Кипр», журналист ИА REGNUM
Ауелбаев Б.	Старший научный сотрудник, заведующий отделом внешнеполитических исследований Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК
Бейсембаев С.	Руководитель Центра социологических исследований МНК «Астана»
Бурнашев Р.Р.	Профессор Казахстанско-Немецкого университета (КНУ), кандидат философских наук
Губайдуллина М.Ш.	Доктор исторических наук, профессор Казахского национального университета (КазНУ) им. аль-Фараби
Каратаева Л.Р.	Главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук
Князев А.А.	Доктор исторических наук, востоковед
Козырев Т.А.	Политолог, религиовед, кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Тюркской академии
Мовкебаева Г.А.	Доктор исторических наук, профессор КазНУ им. аль-Фараби
Подопригора Р.А.	Профессор Каспийского общественного университета (КОУ), доктор юридических наук
Сатпаев Д.А.	Директор Группы оценки рисков, кандидат политических наук
Тажипбаев С.	Старший преподаватель университета «Нұр-Мубарак», магистр религиоведения, член Республиканской информационно-пропагандистской группы
Черных И.А.	Главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук
Шибутов М.М.	Политолог, Ассоциация приграничного сотрудничества
Кыргызстан	
Асланова И.	Религиовед, старший преподаватель Кыргызско-Российского университета
Бердаков Д.	Политолог, координатор Аналитического клуба Кыргызстана
Конулькулов Э.Е.	Доцент, кандидат юридических наук Кыргызской государственной юридической академии (КМЮА), полковник запаса
Сайназаров К.	Страновой директор, Search for Common Ground

Продолжение

Суюнбаев М.Н.	Кандидат геолого-минералогических наук, доцент политологии, профессор Кыргызско-Российского университета
Торогельдиева Б.М.	Доктор исторических наук, доцент. Академия управления при Президенте Кыргызской Республики
Эсенаманова Н.С.	Кандидат политических наук, исполняющий обязанности доцента кафедры Философии и социально-гуманитарных наук КМЮА
Узбекистан	
Бабаджанов Б.М.	Доктор исторических наук, исламовед. Институт востоковедения Академии наук Узбекистана
Жураев С.А.	Доктор политических наук, профессор Университета мировой экономики и дипломатии
Касымова Н.А.	Доктор политических наук, профессор Узбекского университета мировой экономики и дипломатии
Парамонов В.В.	Ph.D политических наук, руководитель проекта «Центральная Евразия»
Умаров Х.П.	Кандидат политических наук, доцент. Проректор по духовно-воспитательной работе Ташкентского университета IT
Юлдашева Г.И.	Доктор политических наук, эксперт АП «Центральная Евразия»
Зарубежные эксперты	
Вайц Р.	Ph.D политологии, директор Центра политического и военного анализа в Институте Хадсона (Вашингтон, США)
Олкотт М.Б.	Историк, Ph.D политологии, эмерит-профессор Колгейтского университета (США)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС: ОПИСАНИЕ ВЫБОРКИ И МЕТОДОВ СБОРА ИНФОРМАЦИИ

Описание социологического исследования

Для проведения опроса использовалась стандартизированная раздаточная анкета и фокусированное глубокое интервью методом «face-to-face». Опросы проводились непосредственно в высших учебных заведениях с помощью вероятностной стратифицированной выборки случайным и квотным методами. Объем выборочной совокупности для анкетирования – 600 человек в возрасте от 18 до 30 лет: 300 из Республики Казахстан и 300 из Кыргызской Республики.

Для географического соотнесения выборки использовались статистические данные по студентам, обучающимся в РК, согласно их распределению по административным областям РК (14 областей, столица и город республиканского значения).

Единицы отбора первой степени – области. Отбор респондентов, подлежащих опросу в конкретной области, проводится с вероятностью, пропорциональной численности студентов этой области по отношению к общему количеству студентов. Единицы отбора второй степени – высшие учебные заведения. В каждой области отбор ведется простым случайным выбором из общего числа вузов. На второй степени в выборку входит 31 университет РК и 8 университетов КР. Единицы отбора третьей степени – учебные группы. Отбор проводится случайным маршрутным методом с трехкратным шагом отбора. На последнем этапе отбора применяются квоты по полу, возрасту и языку преподавания (для студентов вузов РК). Интервьюерам предоставляется набор контрольных признаков, которым должен обладать контингент респондентов и их общее число, подлежащее опросу в конкретном вузе. При этом используется случайно-бесповторный метод отбора, когда опрашивается респондент, соответствующий заданным квотам и так шаг за шагом до необходимой величины выборочной совокупности. Таким образом, обеспечивается процедура случайного отбора при контролируемости параметров квот.

Выборка университетов

Казахстан	
Акмолинская	<ul style="list-style-type: none"> • Гуманитарно-техническая академия (г. Кокшетау) • Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (г. Кокшетау)
Актюбинская	<ul style="list-style-type: none"> • Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова • Западно-Казахстанский государственный медицинский университет им. М. Оспанова
Алматинская	<ul style="list-style-type: none"> • Академия экономики и права им. О.А. Джолдасбекова (г. Талдыкорган)

Продолжение

Атырауская	<ul style="list-style-type: none"> • Атырауский государственный университет им. Халела Досмухамедова
Западно-Казахстанская	<ul style="list-style-type: none"> • Западно-Казахстанский государственный университет им. М. Утемисова (г. Уральск)
Жамбылская	<ul style="list-style-type: none"> • Таразский государственный педагогический институт
Карагандинская	<ul style="list-style-type: none"> • Карагандинский государственный медицинский университет • Карагандинский государственный технический университет • Карагандинский университет «Болашак»
Костанайская	<ul style="list-style-type: none"> • Аркалыкский педагогический институт
Кызылординская	<ul style="list-style-type: none"> • Кызылординский государственный университет им. Коркыт Ата
Мангистауская	<ul style="list-style-type: none"> • Каспийский государственный университет технологии и инжиниринга им. Ш. Есенова
Южно-Казахстанская	<ul style="list-style-type: none"> • Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова • Казахский инженерно-педагогический университет дружбы народов • Шымкентский университет
Павлодарская	<ul style="list-style-type: none"> • Инновационный Евразийский университет
Северо-Казахстанская	<ul style="list-style-type: none"> • Северо-Казахстанский государственный университет им. Манаша Козыбаева
Восточно-Казахстанская	<ul style="list-style-type: none"> • Казахстанско-Американский свободный университет • Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова
г. Алматы	<ul style="list-style-type: none"> • Казахстанско-Британский технический университет • Казахская национальная академия искусств им. Т. К. Жургенова • Казахский национальный университет им. аль-Фараби • Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана • Алматинский технологический университет • Казахская академия труда и социальных отношений • Многопрофильный учебно-научно-производственный комплекс «Гуманитарный университет транспорта и права им. Д.А. Кунаева

Кыргызстан	
г. Бишкек	<ul style="list-style-type: none"> • Кыргызско-Российский славянский университет им. Б. Ельцина (КРСУ) • Бишкекский гуманитарный университет (БГУ) • Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына
Баткенская обл.	<ul style="list-style-type: none"> • Сулюктинский гуманитарно-экономический институт
г. Каракол	<ul style="list-style-type: none"> • Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова
г. Ош	<ul style="list-style-type: none"> • Институт языков и мировой культуры
г. Джалал-Абад	<ul style="list-style-type: none"> • Жалалабадский университет экономики и предпринимательства
г. Талас	<ul style="list-style-type: none"> • Таласский государственный университет

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. ФОРМА АНКЕТЫ-ОПРОСНИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Здравствуйте!

Приглашаем Вас принять участие в исследовании, посвящённом проблемам безопасности в Центральноазиатском регионе, проводимом А. В. Решетняк (КазНУ им. аль-Фараби) при поддержке Международного Благотворительного Фонда «Алтын Куган» и Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК.

Оценки и комментарии, полученные в результате данного опроса, помогут провести анализ восприятия гражданами и резидентами региона угроз безопасности, а также выявить уровень социально-политического и экономического самочувствия. Вам предлагается заполнить анкету-опросник, что займёт не более 5 минут. Участие в исследовании полностью анонимное.

1. Страна проживания:
 - Казахстан
 - Кыргызстан
 - Таджикистан
 - Узбекистан
2. Ваш пол:
 - Мужской
 - Женский
3. Ваш возраст:
 - 18-23
 - 24-30
 - 31-40
 - 41-50
 - 51-60
 - 60-
4. Семейное положение:
 - холост/не замужем
 - женат/замужем (брак зарегистрирован в ЗАГС)
 - женат/замужем (брак не зарегистрирован в ЗАГС)
5. Образование:
 - начальное общее или не имею начального
 - основное общее среднее или начальное профессиональное
 - среднее (полное) общее
 - среднее профессиональное
 - незаконченное высшее профессиональное
 - высшее профессиональное
6. Сфера деятельности:
 - работники аграрного сектора
 - рабочие промышленности
 - работники транспорта, связи
 - инженерно-технические работники
 - научные работники
 - работники бюджетных учреждений медицины, культуры, образования
 - работники коммерческих учреждений медицины, культуры, образования
 - работник торговли, общественного питания, бытового обслуживания
 - государственные (муниципальные) служащие
 - предприниматели
 - военнослужащие
 - руководители предприятий, организаций и их структурных подразделений
 - другие служащие
 - безработные
 - домохозяйства(-хозяйки)
 - пенсионеры/инвалиды
 - студенты вузов и техникумов
 - учащиеся школ, ПТУ
 - банковские служащие
 - работники планирования, делопроизводства, бухгалтерий
 - другое:
7. Населенный пункт, в котором Вы проживаете:
 - столица или город республиканского значения
 - город с численностью более 1 млн человек
 - город с численностью от 500 тыс. чел. до 1 млн чел.
 - город с численностью от 100 до 500 тыс. чел.
 - город с численностью от 50 до 100 тыс. чел.
 - город с численностью до 50 тыс. чел., поселок городского типа
 - село (аул)
8. Как Вы оцениваете общее положение дел в стране, происходящие в ней перемены?
 - Положительно
 - Скорее положительно, чем отрицательно
 - Скорее отрицательно, чем положительно
 - Отрицательно
 - Затрудняюсь ответить
9. Как Вы оцениваете экономическое положение в стране?
 - Положительно
 - Скорее положительно, чем отрицательно
 - Скорее отрицательно, чем положительно
 - Отрицательно
 - Затрудняюсь ответить
10. Как Вы оцениваете своё материальное положение?
 - «За гранью бедности», денег не хватает даже на питание
 - «На грани бедности», денег едва хватает на питание
 - Средне, денег хватает на питание и самое необходимое
 - Хорошо, покупка большинства товаров не вызывает трудностей
 - Без материальных забот
 - Затрудняюсь ответить
11. Как Вы думаете, от чего в наибольшей степени зависит Ваше благосостояние?
 - От положения дел в обществе, условий жизни в нем
 - От меня, моей целеустремлённости, активности
 - От условий жизни и моих собственных усилий в равной степени
 - Затрудняюсь ответить
12. Принимаете ли Вы участие в выборах?
 - Всегда, не пропускаю ни одни
 - Стараюсь принять участие, если позволяет время
 - Редко, от случая к случаю
 - Никогда
 - Затрудняюсь ответить
13. Как Вы оцениваете уровень политического участия граждан в управлении государством?
 - Каждый может участвовать в принятии политического решения
 - Формально мнение населения учитывается, иногда принимаются популистские решения
 - Реальное участие в политической жизни возможно только на местном уровне
 - От населения ничего не зависит, все решения принимаются "наверху"
14. Какие государственные структуры и общественные организации заслуживают, по Вашему мнению, наибольшего доверия? (Выберите, пожалуйста, не более 3-х вариантов ответа)
 - Президент
 - Правительство
 - Парламент
 - Правоохранительные органы
 - Национальные и национально-культурные объединения
 - Средства массовой информации
 - Руководители органов местного самоуправления
 - Вооружённые силы (армия)
 - Религиозные организации
 - Представители бизнеса
 - Представители оппозиции
 - Общественные организации
 - Затрудняюсь ответить
 - Другое: _____
15. Что Вы готовы предпринять в случае нарушения Ваших прав? (Выберите, пожалуйста, не более 3-х вариантов ответа)
 - Обратиться в правоохранительные органы (полицию, прокуратуру, суд, органы национальной безопасности)
 - Обратиться за помощью в органы власти
 - Участвовать в акциях протеста
 - Использовать личные связи и вознаграждения
 - Привлечь внимание общественности (обратиться в СМИ, общественные организации)
 - Ничего, так как уверен(а) в безуспешности каких-либо действий
 - Затрудняюсь ответить
 - Другое: _____

16. В случае нарушения Ваших прав, какие действия граждан, на Ваш взгляд, являются правомерными? (Число ответов не ограничено)

- Обращения в официальные органы власти
- Забастовки, голодовки
- Участие в митингах и других массовых акциях протеста
- Вооруженные методы борьбы
- Обращение в общественные, правозащитные организации
- Затрудняюсь ответить
- Другое: _____

17. Какие, на Ваш взгляд, причины создают предпосылки нестабильности в стране?

- Рост социального недовольства и протестности
- Коррупция и семейственность
- Рост религиозного экстремизма
- Межэтническая напряжённость
- Другое: _____

18. Как, по Вашему мнению, должны строиться отношения между государством и религиозными институтами?

- Религия должна быть полностью отделена от государства, последнее не должно вмешиваться
- Необходимо государственное регулирование этой сферы, для предотвращения деятельности сект и псевдорелигиозных группировок
- Государство должно взаимодействовать с религиозными институтами по ряду вопросов
- Должна быть государственная религия, которую исповедует большинство населения
- Религиозные нормы должны быть закреплены законодательно (например, нормы шариата в мусульманских странах)

19. Как Вы оцениваете религиозную политику Вашего государства?

- Учитывает интересы верующих
- Не отвечает современным вызовам
- Ущемляет права верующих
- Ничего о ней не знаю

20. К какой религиозной конфессии Вы себя относите?

- Ислам
- Христианство
- Иудаизм
- Буддизм
- Я атеист*
- Другое: _____

*если Вы выбрали вариант «Я атеист», перейдите, пожалуйста, к вопросу №25

21. Быть религиозным для Вас - это...

- Соблюдать морально-этические нормы
- Следовать нормам и правилам священных писаний
- Молиться и посещать религиозные места
- Ощущать себя представителем той или иной религиозной группы
- Держать пост или оразу
- Носить религиозную атрибутику

22. Из каких источников Вы черпаете свои знания о религии?

- ТВ-передачи
- Специализированная литература
- Интернет-сайты
- Общение с религиозным наставником (имам, священник и др.)
- Семейные традиции
- Другое: _____

23. Хотели бы Вы стать членом организации по национальной или конфессиональной (религиозной) принадлежности?

- Да
- Нет
- Уже состою в подобной организации
- Затрудняюсь ответить

24. Готовы ли Вы принять участие в открытом конфликте за интересы представителей своей религии?

- Да
- Нет
- Затрудняюсь ответить

25. Как вы оцениваете возможность совершения террористических актов в стране?

- Это неизбежно
- Вполне возможно
- Маловероятно
- Невозможно

26. Что, по Вашему мнению, заставляет людей присоединяться к террористическим и экстремистским группировкам?

- Тяжёлое материальное положение
- Дискриминация по этническому признаку
- Низкий уровень образования
- Религиозный фанатизм
- Шантаж или обман со стороны террористических организаций
- Психические отклонения
- Идеологический вакуум
- Низкий уровень религиозной культуры и образования
- Приток в страну проповедников религиозных движений, продвигающих радикальные идеи
- Затрудняюсь ответить
- Другое: _____

27. О каких из нижеперечисленных террористических и экстремистских организаций Вы слышали? (Число ответов не ограничено)

- Асбат аль-Ансар
- Аль-Каида
- Ансаруллох (Ансару Аллах)
- Ат-Такфир Валь-Хиджра (Ат-такфируаль-хиджра)
- Боз гурд
- Джунд-аль-Халифат (Солдаты халифата)
- Жайшуль Махди
- Жамаат моджахедов Центральной Азии (Группа исламский джихад)
- ИГИЛ (Исламское Государство)
- Исламская партия Туркестана, Жамагат Туркестана и Туркестанский жамагат
- Исламское движение Восточного Туркестана, Исламская партия Восточного Туркестана, Партия Аллаха
- Исламское движение Узбекистана
- Лашкар-и-Тайба
- Организация освобождения Восточного Туркестана (ШАТ)
- Сенім. Білім. Өмір (Вера. Знание. Жизнь)
- "Движение Салафия"
- Таблиги джамаат и Общество социальных реформ
- Талибан
- Точикистони озод
- Хизб-ут-Тахрир (Хизб-ут-Тахрир-аль-Ислами, Исламская партия освобождения)
- Нур
- Братья-мусульмане
- Другое: _____

28. Эффективно ли в Вашей стране ведется борьба с терроризмом?

- Да, эффективно
- В основном эффективно, но имеются недоработки
- В большей степени неэффективно, хотя есть отдельные успехи
- Нет, не эффективно
- Затрудняюсь ответить

29. Какие меры, по Вашему мнению, необходимо применять для противодействия терроризму и религиозному экстремизму?

- Ужесточение законодательства по отношению к лицам, причастным к терроризму и экстремизму
- Проведение разъяснительной работы в школах, колледжах, ВУЗах
- Формирование государственной идеологии
- Формирование гражданского общества
- Повышение уровня жизни населения
- Запрет деятельности определённых религиозных организаций
- Усиление контроля над деятельностью религиозных организаций со стороны государства
- Другое: _____

Спасибо за участие в опросе! Ваше мнение очень важно для нас!

Вы также можете принять участие в этом опросе в интернете, заполнив анкету по указанному адресу, либо отсканировав QR-код с помощью своего смартфона:

<https://goo.gl/zzF68p>

Сәлеметсіз бе!

Сізді Орталық Азия аймағындағы қауіпсіздік мәселелеріне арналған зерттеулер жүргізуге қатысуға шақырамыз. Бұл шара А. В. Решетняктің (әл-Фараби атындағы ҚазҰУ) «Алтып Куган» халықаралық қайырымдылық қорының және Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ) қолдауымен өткізілуде.

Сауалнама нәтижесінде алынған баға мен пікірлер, азаматтар мен резиденттердің аймақтағы қауіпсіздік мәселелеріне талдау жасауға және қоғамдық-саяси, экономикалық ахуалдың деңгейін анықтауға көмектеседі.

Сізге 5 минуттық уақытыңызды алатын сауалнама-сұрақнаманы толтыру ұсынылады. Зерттеуге қатысу толық жасырын түрде жүргізіледі.

1. Тұратын еліңіз:

- Қазақстан
- Қырғызстан
- Тәжікстан
- Өзбекстан

2. Сіздің жынысыңыз:

- Ер
- Әйел

3. Сіздің жасыңыз:

- 18-23
- 24-30
- 31-40
- 41-50
- 51-60
- 60-

4. Отбасылық жағдайыңыз:

- бойдақ / тұрмыста емес
- үйленген / тұрмыста (неке АХАЖ бөлімінде тіркелген)
- үйленген / тұрмыста (неке АХАЖ бөлімінде тіркелген жоқ)

5. Білімі:

- жалпы негізгі немесе бастапқы бар
- негізгі жалпы орта немесе бастапқы кәсіптік
- орта (толық)
- орта кәсіби
- аяқталмаған жоғары кәсіби
- жоғары кәсіби

6. Қызмет саласы:

- ауыл шаруашылығы қызметкерлері
- өнеркәсіп қызметкері
- қатынас көлік қызметкері
- инженерлік-техникалық қызметкер
- ғылыми қызметкері
- медицина, мәдениет, білім беру бюджеттік мекемелерінің қызметкері
- медицина, мәдениет, білім беру коммерциялық мекемелерінің қызметкері
- қоғамдық тамақтандыру, тұрмыстық қызмет көрсету сауда қайраткері
- мемлекеттік (муниципалдық) қызметкері
- кәсіпкер
- әскери қызметкер
- кәсіпорындар, ұйымдар мен олардың құрылымдық бөлімшелерінің басшысы
- басқа қызметкер
- жұмыссыз
- үй шаруасындағы әйел (-үй биікесі)
- зейнеткер / мүгедек
- жоғары оқу орындары мен колледждердің студенті
- жоғары сынып оқушысы, кәсіби мектеп
- банк қызметкері
- жоспарлап, іс жүргізуші, бухгалтер қызметкері
- басқа: _____

7. Сіздің тұрап жатқан елді мекеніңіз:

- республикалық маңызы бар астана немесе қала
- 1 миллионнан астам халқы бар қала
- 500 мың адамнан 1 млн. адамға дейін тұрғыны бар қала
- 100 мың адамнан 500 мың адамға дейін тұрғыны бар қала
- 50 мың адамнан 100 мың адамға дейін тұрғыны бар қала
- 50 мыңға дейін халық саны бар шағын қала
- ауыл

8. Сіз елдегі болып жатқан өзгерістер мен жалпы жағдайды қалай бағалайсыз?

- Оң
- Төріске қарағанда оң
- Оңға қарағанда төріс
- Төріс
- Жауап беруге қиналамын

9. Сіз елдегі экономикалық жағдайды қалай бағалайсыз?

- Оң
- Төріске қарағанда оң
- Оңға қарағанда төріс
- Төріс
- Жауап беруге қиналамын

10. Сіз өзіңіздің материалдық жағдайыңызды қалай бағалайсыз?

- «Шегінен тыс кедейшілік», тіпті азық-түлікке ақша жеткіліксіз,
- «Кедейлік шегінде», ақша азық-түлікке ерең жеткілікті
- Орташа, ақша азық-түлік пен қажеттіліктерге жеткілікті
- Жақсы, тауарларды сатып алу көзінде қиындықтар жоқ
- Материалдық қамқорлықсыз
- Жауап беруге қиналамын

11. Сіз қалай ойлайсыз, сіздің өл-ауқатыңыздың дәрежесі неге тәуелді?

- Қоғамдағы социалды-экономикалық жағдайға
- Өзімнің талпынысыма, белсенділігіме тәуелді
- Қоғамдағы социалды-экономикалық жағдайға және өзімнің күш-жігеріме і бірдей тәуелді болып табылады
- Жауап беруге қиналамын

12. Сіз сайлауға қатысасыз ба?

- Үнемі, бірде-бір сайлауды жібермеймін
- Уақыт бар кезде қатысуға тырысамын
- Аңда-санда, кейде
- Ешқашан
- Жауап беруге қиналамын

13. Сіз мемлекетті басқарудағы азаматтардың саясатқа қатысу деңгейін қалай бағалайсыз?

- Әрқайсысы саяси шешімді қабылдауға қатыса алады
- Ресми қоғамдық пікірлер ескеріледі, кейде популистік шешімдер қабылданады
- Саяси өмірге тек жергілікті деңгейде қатысу мүмкін
- Халыққа ештеңе тәуелді емес, барлық шешімдерді «жоғарыда» қабылдайды

14. Сіздің ойыңызша, қандай мемлекеттік құрылымдар мен қоғамдық ұйымдар ең үлкен сенімге лайық? (Кемінде жауаптың 3 нұсқасын таңдаңыз)

- Президент
- Үкімет
- Парламент
- Құқық қорғау органдары
- Ұлттық және ұлттық-мәдени бірлестіктер
- Бұқаралық ақпарат құралдары
- Жергілікті үкімет басшылары
- Қарулы Күштер (әскер)
- Діни ұйымдар
- Бизнес өкілдері
- Оппозиция өкілдері
- Қоғамдық ұйымдар
- Жауап беруге қиналамын
- Басқа: _____

15. Егер сіздің құқықтарыңыз бұзылған жағдайда қандай шара қолдануға дайынсыз? (Кемінде жауаптың 3 нұсқасын таңдаңыз)

- Құқық қорғау органдарына (полицияға, прокуратураға, соттарға, ұлттық қауіпсіздік органдарына) жүгінемін
- Билік өкілдерінің көмегіне жүгінемін
- Наразылық акциясына қатысамын
- Сыйақы төлеу мен жеке байланыстарды пайдаланамын
- Қоғамның назарын (БАҚ, үкіметтік емес ұйымдарға хабарласу) аударамын
- Ештеңе, өйткені мен кез-келген шара сәтсіз болатына сенімдімін
- Жауап беруге қиналамын
- Басқа: _____

16. Сіздің ойыңызша, құқықтарыңыз бұзылған жағдайда, қандай іс-әрекеттер заңды деп санайсыз? (жауаптардың саны шектелмейді)

- Ресми билік органдарына жүгіну
- Ереуілдер, аштық ереуілдер
- Митингілер мен басқа да бұқаралық наразылық акцияларына қатысу
- Қарулы күрес әдістері
- Қоғамдық, құқық қорғау ұйымдарына жүгіну
- Жауап беруге қиналамын
- Басқа: _____

17. Сіздің ойыңызша, елде тұрақсыздықтың негізгі алғышарттары қандай?

- Халықтың әлеуметтік наразылығының және мұқтаждығының өсуі
- Сыбайлас жемқорлық және топшылдық
- Діни экстремизмнің өсуі
- Этникалық шиеленіс
- Басқа: _____

18. Сіздің ойыңызша, мемлекет пен діни мекемелер арасындағы қарым-қатынастарды қалай құру керек?

- Дін толығымен мемлекеттен бөлінуі тиіс, соғысы көдергі болмауы тиіс
- Секталар мен жалған діни топтардың қызметін болдырмау мақсатында, осы саладағы мемлекеттік реттеу қажет
- Бірқатар мемлекеттік мәселелер бойынша діни мекемелер ынтымақтасуы тиіс
- Халықтың көпшілігі уағыздайтын мемлекеттік дін болуы тиіс
- Діни ережелер (мысалы мұсылман елдерінде Шарифат ережелері) заңда бекітілуі тиіс

19. Сіз мемлекетіңіздің діни саясатын қалай бағалайсыз?

- Сенушілердің мүдделерін қарастырады
- Қазіргі заманғы қауіп-қатерлерге сай келмейді
- Сенушілердің құқықтарына шек қойылады
- Бұл туралы ештеңе білмеймін

20. Өзіңізді қандай діни конфессияға жатқызасыз?

- Ислам
- Христиан діні
- Иудаизм
- Буддизм
- Атеист
- Басқа: _____

**егер «Атеист» нұсқасын таңдасаңыз, №25 сұраққа ауысыңыз*

21. Сіз үшін діни болу - ол...

- Моральдық-этикалық нормаларды сақтау
- Киелі жазбалардың нормалары мен ережелерін орындау
- Сыйыну және діни жерлерге бару
- Белгілі бір діни топтың өкілі ретінде өзіңді сезіну
- Ауыз бекіту немесе ораза ұстау
- Діни атрибутиканы кию

22. Сіз қандай дереккөздерінен дін туралы біліміңізді аласыз?

- Теледидар бағдарламаларынан
- Арнайы әдебиеттерден
- Интернет - сайттардан
- Діни тәлімгермен (имаммен, діни қызметкерлермен және т.б.) араласу
- Отбасылық дәстүрлерден
- Басқа: _____

23. Сіз ұлттық немесе конфессиялық (діни) тиістілік бойынша бөлінетін ұйымның мүшесі болуға қалайсыз ба?

- Иә
- Жоқ
- Қазірдің өзінде осы сияқты ұйымның құрамындамын
- Жауап беруге қиналамын

24. Сіз өзіңіздің діни өкілдеріңіздің мүдделерін қорғау үшін ашық қақтығысқа қатысуға дайынсыз ба?

- Иә
- Жоқ
- Жауап беруге қиналамын

25. Сіз елде лаңкестік актілердің асырылу мүмкіндігін қалай бағалайсыз?

- Бұл сөзсіз
- Өбден мүмкін
- Екіталай
- Мүмкін емес

26. Адамдарды лаңкестік және экстремистік топтарға қатысуға мәжбүрлейтін не деп ойлайсыз? (кемінде жауаптың 3 нұсқасын таңдаңыз)

- Қиын қаржылық жағдай
- Этникалық белгісі бойынша кемсіту
- Білімнің төмен деңгейі
- Діни фанатизм
- Лаңкестік ұйымдар тарапынан бопсалау немесе алаяқтық
- Психикалық ауытқулар
- Идеологиялық вакуум
- Діни мәдениет пен білім деңгейінің төмендігі
- Радикалды идеяларды насихаттайтын діни ағымдардың ел уағызшыларының ішіне түсуі
- Жауап беруге қиналамын
- Басқа: _____

27. Сіз төменде көрсетілген қандай лаңкестік және экстремистік ұйымдар туралы естідіңіз? (жауаптардың саны шектелмейді)

- Асбат әл-Ансар
- Әл-Каида
- Ансаруллох (Ансар Аллах)
- Ат-Такфир уәл -Хижра (Ат-такфируәл-хижра)
- Боз груд
- Джунд әл-Халифат (Халифат жауынгерлері)
- Жайшуль Махди
- Орталық Азия моджахедтер жамағаты (Ислам джихад тобы)
- ИЛИМ (Ислам мемлекеті)
- Түркістан ислам партиясы, Түркістан Жамағаты және Түркістандық жамағат
- Шығыс Түркістан ислам қозғалысы, Шығыс Түркістан ислам партиясы, Аллаһтың партиясы
- Өзбекстан ислам қозғалысы
- Лашкар-е-Тайба
- Шығыс Түркістанды азат ету ұйымы (ШАТ)
- Сенім. Білім. Өмір
- «Салафиттік қозғалысы»
- Таблиғи Джамаат және әлеуметтік реформалар қоғамы
- Талибан
- Точкистони озод
- Хизб-ут-Тахрир (Хизб-ут-Тахрир-аль-Ислами, ислам азаттық партиясы)
- Нұр
- Мұсылман бауырлар
- Басқа: _____

28. Сіздің еліңіз лаңкестікке қарсы күресті тиімді түрде жүзеге асыра ала ма?

- Иә тиімді
- Негізінен тиімді, бірақ кемшіліктер де бар
- Көбінесе тиімсіз, кей жағдайларда табыстары да бар
- Жоқ, тиімді емес
- Жауап беруге қиналамын

29. Сіз лаңкестікке және діни экстремизмге қарсы күресте қандай шаралар қолданылуы тиіс деп ойлайсыз?

- Лаңкестікке және экстремизмге қатысы бар тұлғаларға заңнаманы күшейту
- Мектептерде, колледждерде, жоғары оқу орындарында түсіндіру жұмыстарын жүргізу
- Мемлекеттік идеологияны қалыптастыру
- Азаматтық қоғамның қалыптасуы
- Өмір сүру деңгейін жақсарту
- Діни ұйымдардың қызметінің жекелеген түрлерін тыйым салу
- Мемлекет тарапынан діни ұйымдардың қызметін бақылауды күшейту
- Басқа: _____

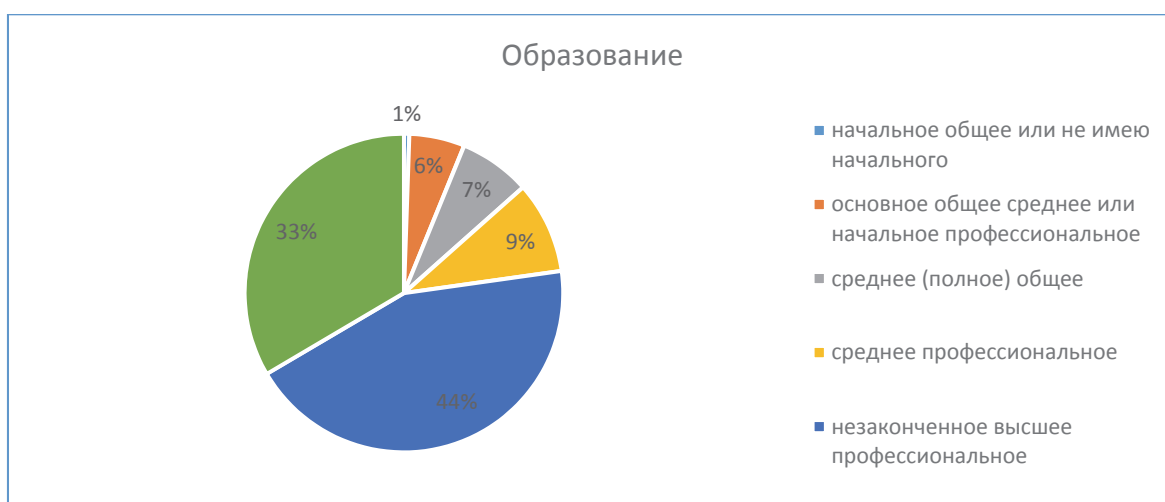
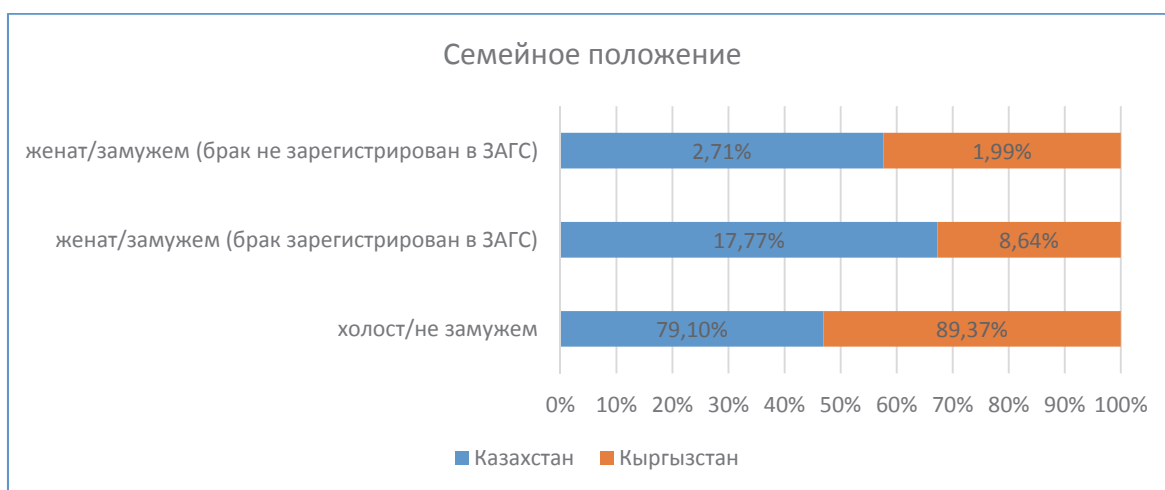
**Сауалнамаға қатысқаныңыз үшін рахмет!
Сіздің пікіріңіз біз үшін маңызды!**

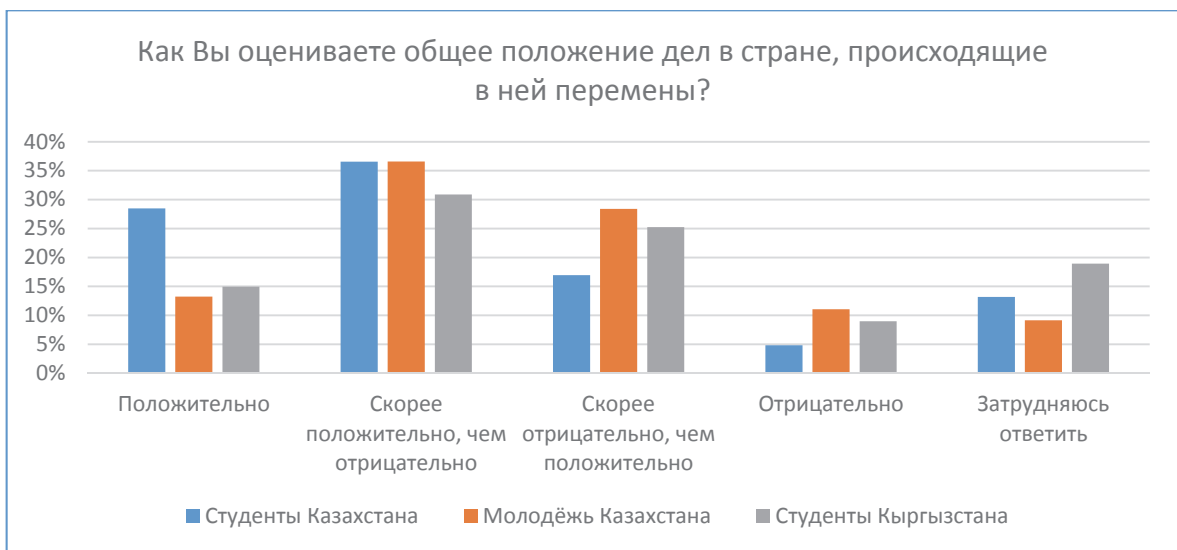
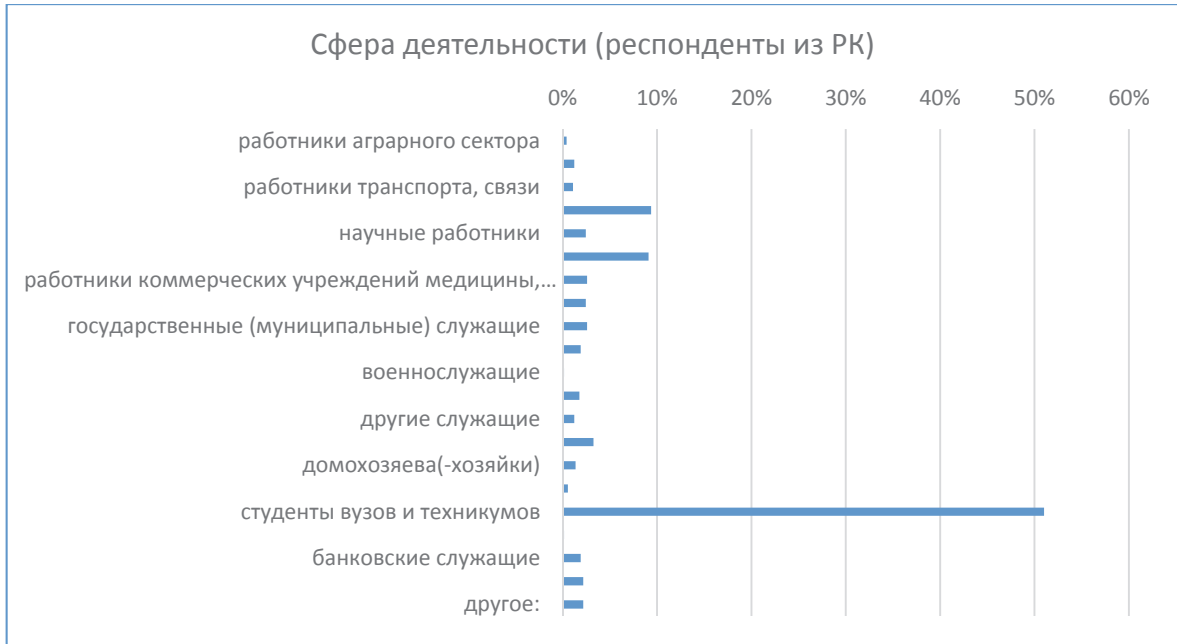
Сіз сондай-ақ көрсетілген мекен-жай бойынша интернетте сауалнаманы толтыру арқылы, немесе сіздің смартфонңызбен QR-кодты сканерлеу арқылы осы сұрақнамаға қатыса аласыз:

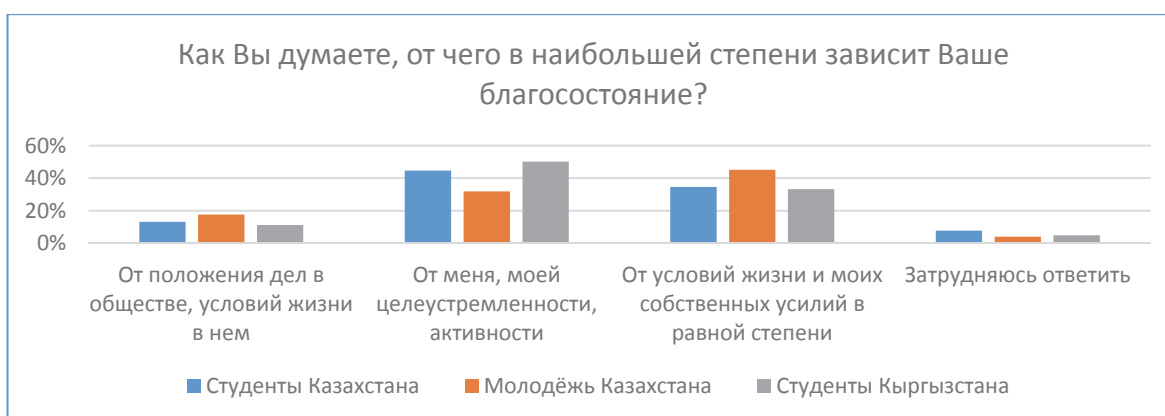
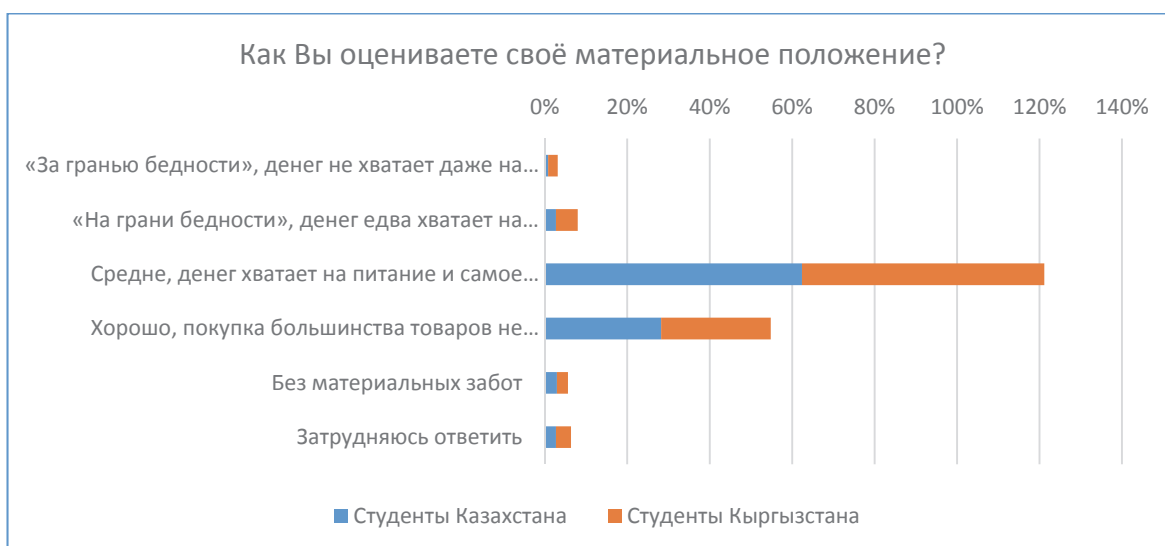
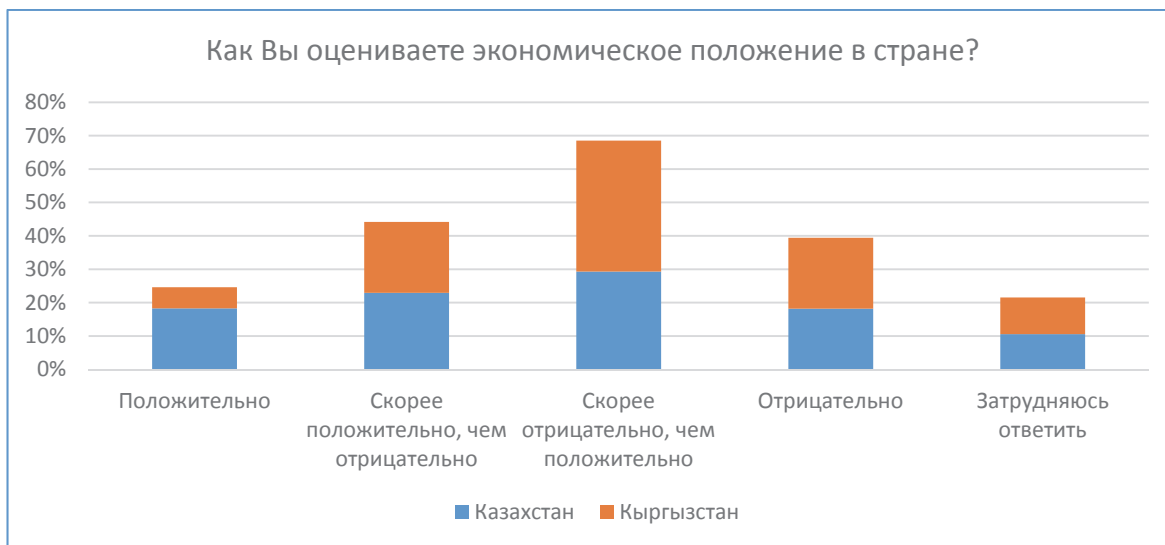
goo.gl/QOByZk

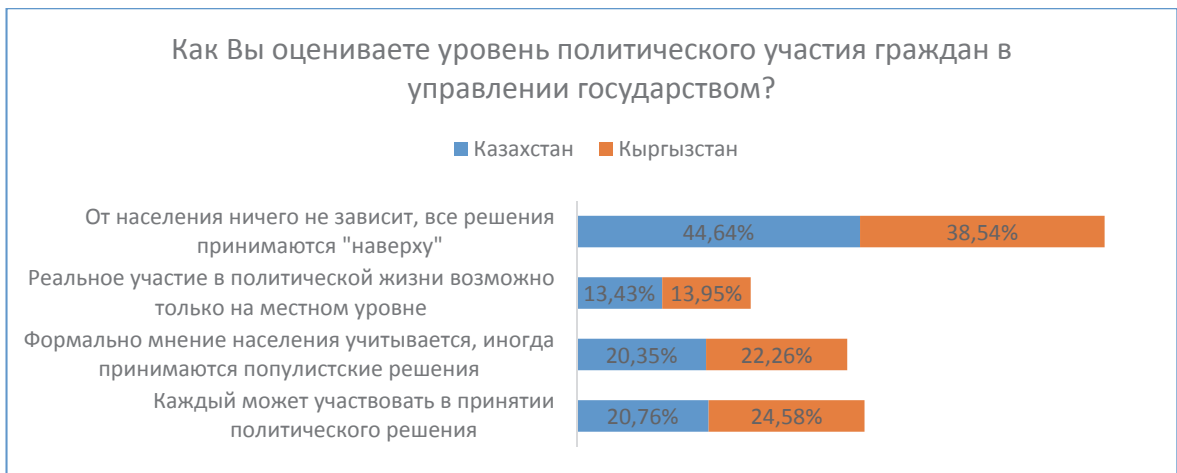
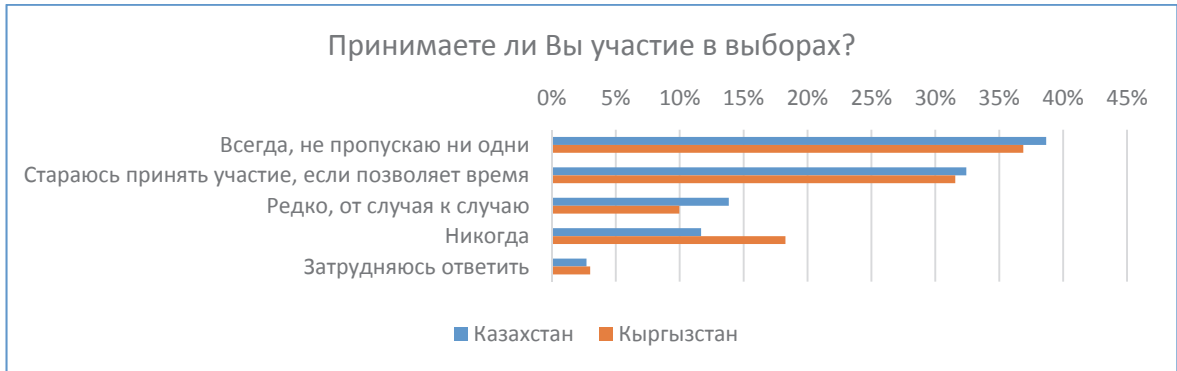

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ДИАГРАММАХ

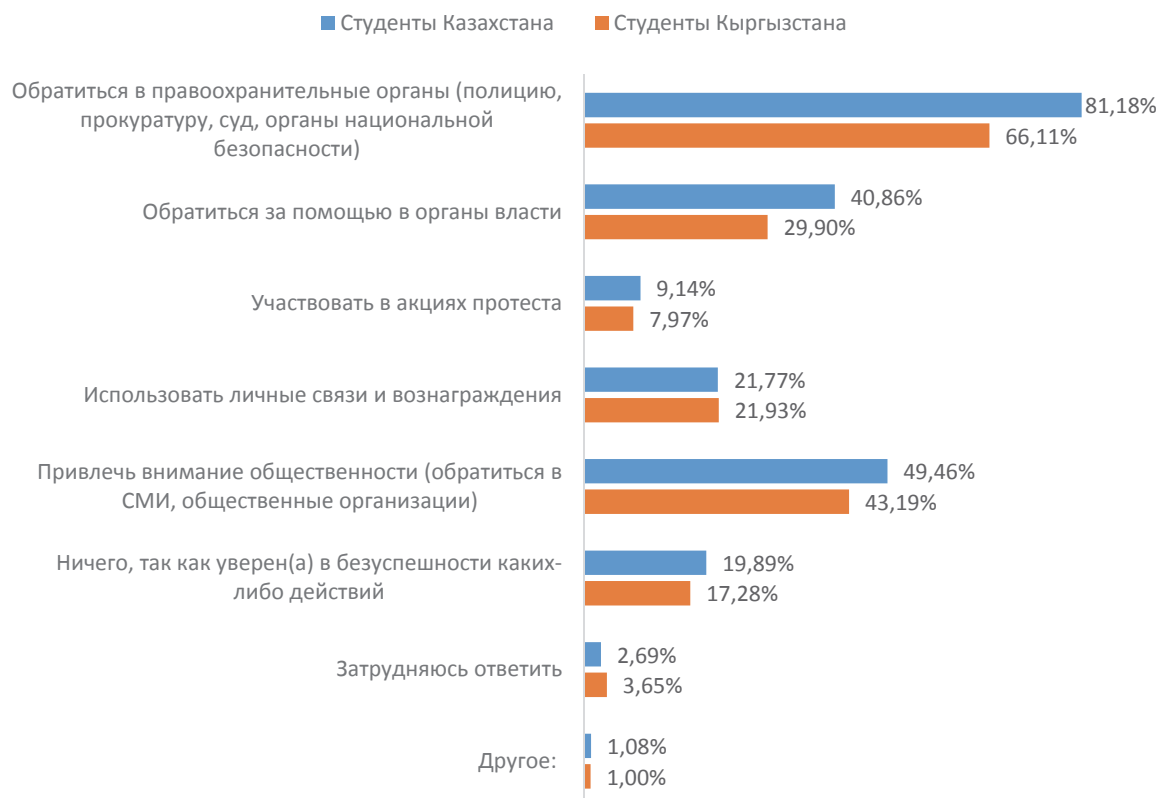

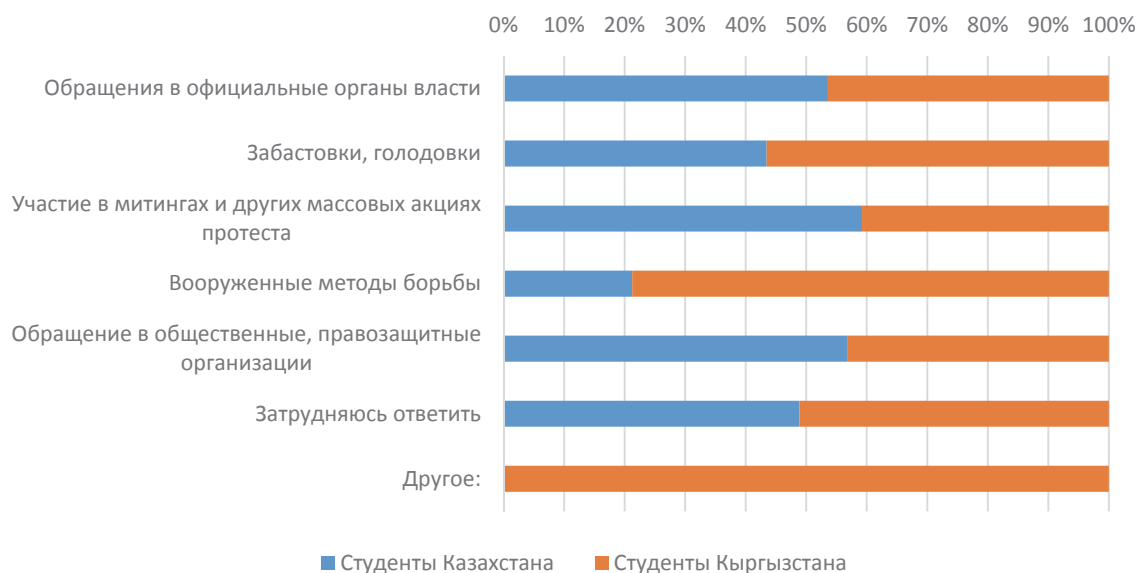

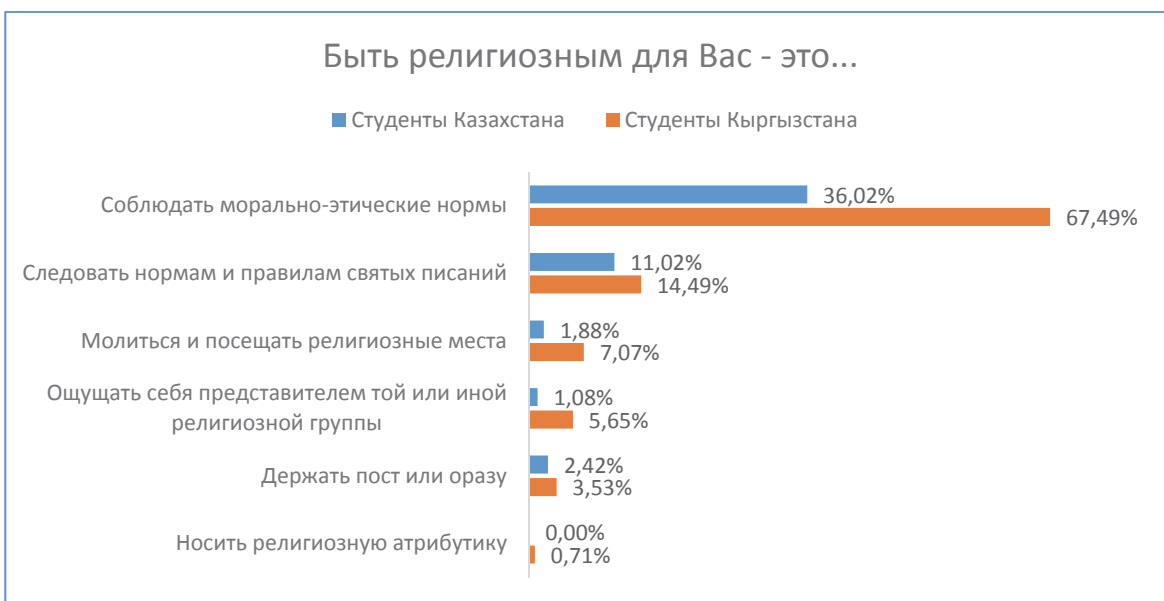
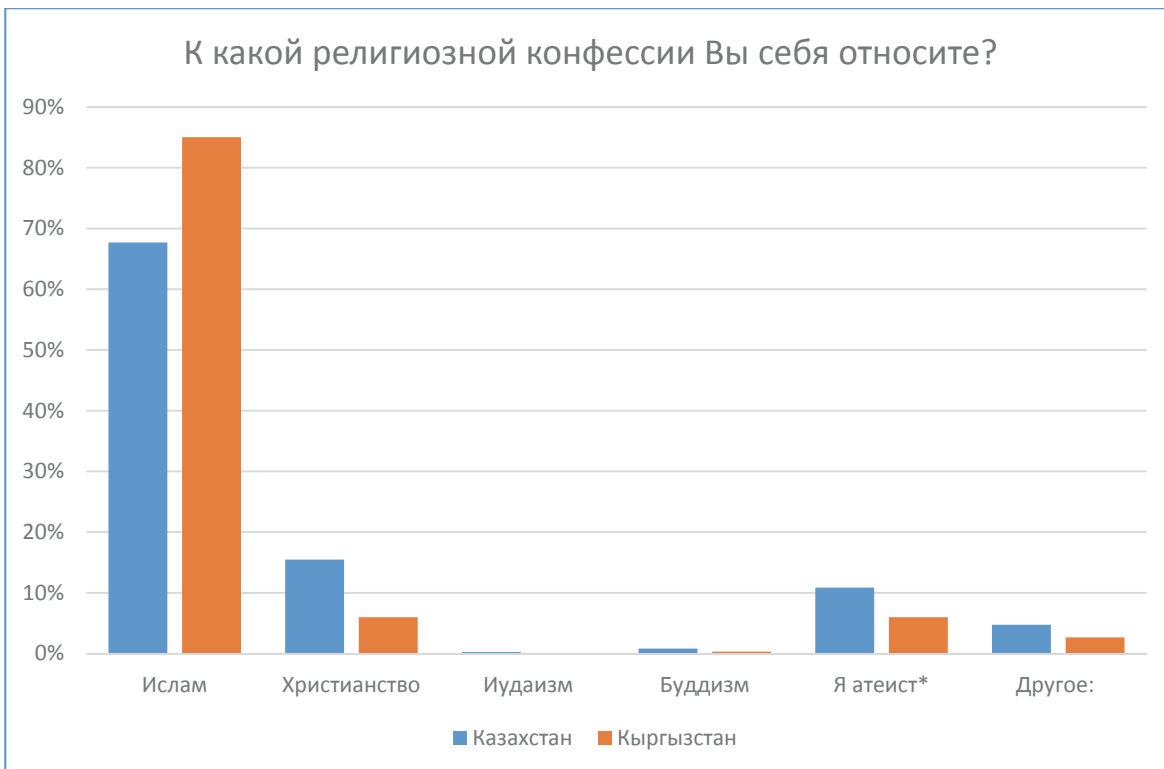

Что Вы готовы предпринять в случае нарушения Ваших прав?

В случае нарушения прав, какие действия граждан, на Ваш взгляд, являются правомерными?

Для заметок

АНАСТАСИЯ РЕШЕТНЯК

ТЕРРОРИЗМ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ
КЕЙС КАЗАХСТАНА И КЫРГЫЗСТАНА

Редактор-корректор: Н. Шестакова
Дизайн обложки: дизайн-студия «Вкус»
Верстка: Е. Тушкова

Подписано в печать 07.11. 2016. Формат 60x90 1/8
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 10,75
Тираж 400 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
010000, г. Астана, ул. Бейбитшилик, 4

Отпечатано в типографии ОО «КРОИВА»
г. Алматы